

зовались составители и списатели наших уставных чтений. Разнообразіе именъ здѣсь положительно удивляетъ всякаго. Кажется, не оставленъ ни одинъ выдающійся проповѣдникъ безъ вниманія. Много интереснаго, наконецъ, можно найти и въ рѣчахъ автора о времени сказыванія уставныхъ чтеній, о постепенномъ увеличеніи числа проповѣдей и чтеній въ честь и память русскихъ святыхъ и т. д. Читая сочиненіе автора, съ грустью видишь, какъ мы, гордые своими всевозможными успѣхами, отстали отъ старины. Въ настоящее время—обычное явленіе, когда богослуженіе остается безъ проповѣди. А въ то далекое и темное время находили возможнымъ произносить по шести обширныхъ чтеній за однимъ иногда богослуженіемъ.

Въ сочиненіи г. Берсенева среди многихъ мелкихъ недостатковъ особенно непріятно поражаетъ одинъ весьма крупный. Авторъ не сдѣлалъ обзора содержанія уставныхъ чтеній. А между тѣмъ эта часть его сочиненія обѣщала быть болѣе интересной и многоплодной, чѣмъ первая, почти вводная, историко-археологическая. Предъ читателемъ прошла бы тогда живая картина правоученія и вѣроученія и длинная исторія воспитанія древними пастырями церкви своихъ пасомыхъ въ тѣхъ религіозно-церковныхъ началахъ, какими отчасти живутъ весьма многіе еще и теперь. Конечно, авторъ не успѣлъ сдѣлать этого. Работа надъ первой частью сочиненія по первоисточникамъ отняла у него почти все время.

Степени кандидата богословія авторъ за свой трудъ заслуживаетъ“.

5. Заслуженнаго ординарнаго профессора Николая Каптерева о сочлененіи студента *Богородскаго Николая* на тему: „Симонъ Азарьинъ“:

„Сочиненіе студента Николая Богородскаго, подъ заглавіемъ „Симонъ Азарьинъ“, представляетъ изъ себя работу серьезную и основательную. Авторъ вложилъ въ нее много труда и старанія. Онъ не только прочиталъ все, что печаталось ранѣе относительно избраннаго имъ предмета, но и изучилъ доступный для него рукописный матеріалъ, что придаетъ его сочиненію особенную цѣнность. Собраннымъ имъ матеріаломъ авторъ воспользовался умѣло и, гдѣ нужно, отнесся къ нему научно-критически, почему вся его работа имѣетъ характеръ серьезно-научный.

Но мы, съ своей стороны, указали бы автору на слѣдующіе недочеты въ его работѣ: а) о родѣ князей Милославскихъ, общественномъ ихъ положеніи и дѣятельности можно было бы, безъ ущерба дѣлу, сказать значительно короче. б) Азарьинъ былъ нѣсколько мѣсяцевъ казначеемъ у патріарха Филарета Никитича, но о его казначейской дѣятельности намъ рѣшительно ничего неизвѣстно. Эту неизвѣстность авторъ старается заполнить длинными разсужденіями о патріаршемъ Казенномъ приказѣ, о должности и обязанностяхъ патріаршаго казначея вообще, что, однако, нисколько не помогаетъ уясненію и оцѣнкѣ дѣятельности Симона Азарьина, какъ патріаршаго казначея. в) Симонъ Азарьинъ послѣдовательно занималъ въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ должности казначея и келаря, но о его дѣятельности въ этихъ должностяхъ ничего собственно неизвѣстно. Очевидно Азарьинъ проходилъ ихъ обычнымъ, зауряднымъ образомъ и не оставилъ въ этой своей дѣятельности никакого замѣтнаго слѣда. Этотъ недостатокъ свѣдѣній о дѣятельности Азарьина въ качествѣ Троицкаго казначея и келаря авторъ восполняетъ длинными разсужденіями о церковно-монастырскихъ владѣніяхъ вообще и, въ частности, о вотчинно-владѣтельскомъ положеніи Троицкаго монастыря, не указывая, какъ всѣ эти разсужденія относятся собственно къ Симону Азарьину. г) При изложеніи литературной дѣятельности Симона Азарьина автору слѣдовало бы съ особымъ вниманіемъ остановиться на „Святцахъ“ Азарьина. Другія его сочиненія, особенно сочиненіе о смутномъ времени, о которомъ нашъ авторъ разсуждаетъ очень подробно, достаточно уже обслѣдованы нашими учеными, такъ что автору тутъ приходится дѣлать главнымъ образомъ только сводъ и сопоставленіе существующихъ мнѣній, присоединяя къ нимъ тѣ или другія свои критическія замѣчанія, иногда основанныя на новыхъ данныхъ. Другое дѣло Святцы, составленныя Симономъ. Эта работа Азарьина очень характерна и любопытна и по замыслу, и по выполненію, и по той связи, какую она имѣла съ своеобразными воззрѣніями тогдашнихъ русскихъ на значеніе русской національной церкви и другихъ славяно-православныхъ церквей въ ихъ отношеніи къ древней и особенно тогдашней современной имъ греческой церкви.

Въ общемъ сочиненіе г. Богородскаго можетъ быть признано вполне удовлетворительнымъ для полученія ученой степени кандидата“.

6. Заслуженнаго ординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Богословскаго Сергѣя* на тему: „Критическій разборъ воззрѣній Л. Н. Толстого на догматы православной церкви“:

„Сочиненіе Сергѣя Богословскаго распадается на двѣ части. Въ первой части, съ 1 по 189 стр., изложены воззрѣнія Толстого на христіанскіе догматы. Эта часть содержитъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) Введеніе; 2) графъ Толстой, какъ моралистъ и богословъ; 3) взглядъ Толстого на источники христіанскаго вѣдѣнія—Священное Писаніе и священное преданіе, и ученіе его о религіи и ея сущности; 4) ученіе Толстого объ откровеніи, о Богѣ и о религіи; 5) воззрѣнія Толстого на лице Господа Иисуса Христа и Его ученіе; 6) воззрѣнія Толстого на ученіе Православной Церкви о Святомъ Духѣ, о благодати и таинствахъ; 7) воззрѣнія Толстого на догматы Святой Троицы; 8) краткій обзоръ воззрѣній Толстого на прочіе (частныя) догматы Православной Церкви: о твореніи міра Богомъ и промыслѣ, о первобытномъ состояніи первозданнаго человѣка, о грѣхопаденіи и происхожденіи зла, объ искушеніи, о загробной жизни и всеобщемъ воскресеніи; 9) воззрѣнія Толстого на Православную Церковь и 10) истинную религію.

Во второй части (190—412 стр.) г. Богословскій разбираетъ ученіе Толстого объ источникахъ богопознанія—сверхъестественномъ и естественномъ откровеніи, доказываетъ невозможность религіи безъ представленія о личномъ Богѣ, пространно разъясняетъ, что Иисусъ Христосъ есть истинный Богъ, ослабляетъ возраженія Толстого противъ ученія о Святой Троицѣ, опровергаетъ воззрѣнія Толстого на догматы о твореніи міра, о промыслѣ, о загробной жизни и безсмертіи души и подвергаетъ разбору взглядъ этого писателя на Православную Церковь.

Въ заключеніи авторъ сочиненія говоритъ, что „религія“ Толстого есть не религія, а отрицаніе религіи, что его ученіе—утопія и что оно не самобытно, а представляетъ отзвукъ идей Ричля, Фейербаха, позитивистовъ, утилитаристовъ и эволюціонистовъ.

Г. Богословскій старательно собралъ и прочиталъ все относящіяся къ его темѣ сочиненія и брошюры Толстого, не исключая и рукописныхъ. Много прочиталъ онъ и сочиненій, направленныхъ противъ ученія Толстого. Какъ сочиненія Толстого, такъ и сочиненія его критиковъ написаны на русскомъ языкѣ, что, конечно, облегчало автору трудъ изученія литературы предмета. Но все-таки имъ прочитано такое значительное количество матеріала, что нельзя не признать этого достоинствомъ труда.

При изложеніи прочитаннаго авторъ труда прибѣгнулъ къ простѣйшему и довольно обычному способу систематизаціи матеріала: сначала по пунктамъ или отдѣламъ изложилъ ученіе Толстого о религіи, о христіанствѣ, объ источникахъ ихъ и о главнѣйшихъ догматахъ христіанства, а потомъ приблизительно въ томъ же порядкѣ представилъ разборъ воззрѣній Толстого на эти предметы. Мы не стали бы особенно вооружаться противъ такого плана, если бы воззрѣнія Толстого имъ самимъ были приведены въ стройную и цѣлостную систему, изложенную въ одномъ обширномъ или въ немногихъ сочиненіяхъ. Но на самомъ дѣлѣ взгляды Толстого на основныя истины христіанства не изложены систематически, разбросаны по сочиненіямъ, большею частію мелкимъ и по содержанію очень разнообразнымъ. При разбросанности и даже несогласованности воззрѣній Толстого не было и надобности излагать ихъ въ системѣ, посвящая этому всю первую часть сочиненія. Цѣлесообразнѣе и удобнѣе было бы, изложивши, напр., ученіе Толстого о религіи по разнымъ его сочиненіямъ, тутъ же отмѣтить, одинаково ли онъ учитъ объ этомъ предметѣ во всѣхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ его касается, а за тѣмъ тутъ же показать несостоятельность или степень несостоятельности его ученія о религіи по существу. Точно также и по всѣмъ другимъ частнымъ предметамъ изложеніе воззрѣній Толстого должно бы сопровождать непосредственно разборомъ ихъ. Это освободило бы автора отъ необходимости повторять въ критической части мысли, уже изложенныя въ систематической половинѣ труда. Между тѣмъ при настоящемъ способѣ изложенія единства и цѣлостности въ передачѣ воззрѣній Толстого не получилось и не могло получиться. Нельзя одобрить и то, что ученіе Толстого о религіи г. Богослов-

скій излагаетъ въ двухъ мѣстахъ: въ 3-й и въ 10-й главахъ.

Что касается самаго разбора возрѣвнй Толстого на догматы, то по скромному и справедливому заявленію автора сочиненія онъ „не претендовалъ на то, чтобы онъ былъ всестороннимъ и полнымъ, а только стремился къ одной цѣли: защитить то, что дорого для каждаго православнаго христіанина, и сдѣлать, что могъ“. Именно, что могъ. Онъ трудился съ охотой, сдѣлалъ довольно много, и сочиненіе его должно признать удовлетворительнымъ для присужденія ему степени кандидата“.

7. Экстраординарнаго профессора Александра Голубцова о сочиненіи студента *Буравцева Николая* на тему: „Происхожденіе и составъ греческаго рукописнаго Евхологія“:

„Въ коротенькомъ предисловіи къ своему небольшому сравнительно сочиненію (201 стр.) авторъ пытается уяснить положеніе изслѣдователя рукописной книги вообще, Евхологія въ частности, и опредѣлить свою задачу и методъ; перечисляетъ свои источники и немногочисленныя пособія. Въ первой главѣ сочиненія, озаглавленной: „Первыя записи молитвъ, употребляемыхъ священнослужителями при общественномъ Богослуженіи“, задавшись вопросамъ: какъ рано положенъ былъ конецъ свободѣ предстоятеля въ совершеніи послѣдняго и явилась потребность въ извѣстнаго рода сборникахъ молитвъ, авторъ ищетъ отвѣта на него въ разсмотрѣннй нѣкоторыхъ памятниковъ первыхъ вѣковъ христіанства, описывающихъ, между прочимъ, и богослуженіе, а именно: такъ называемыхъ Каноновъ Ипполита, издавнаго патр. Игнатіемъ Романи Testamentum'a Domini nostri Iesu Christi, Апостольскихъ Постановленій и поученій св. Кирилла Іерусалимскаго съ одной стороны и сборника молитвъ, написаннаго именемъ Серапіона, еп. Тмуитскаго, съ другой. „Довольно бѣглый анализъ содержанія памятниковъ первой группы“ показалъ нашему автору, что „литургическій элементъ въ нихъ не остается неподвижнымъ, а постоянно колеблется“, и въ этомъ колебаніи онъ усматриваетъ слѣды ихъ нѣкогда „практическаго употребленія“, видитъ въ этихъ памятникахъ отдаленные „прототипы позднѣйшихъ Типикона и Евхологія“. Краткія рѣчи о сборникѣ молитвъ еп. Серапіона, въ которомъ вслѣдъ за покойнымъ проф. Павло-

вымъ авторъ находитъ своего рода руководство, изданное нѣкогда мѣстнымъ епископомъ для священнослужителей, являются у него переходомъ ко второй главѣ сочиненія, написанной: „Анализъ состава греческаго рукописнаго Евхологія“. Въ ней на основаніи десятковъ трехъ съ половиной греческихъ евхологіевъ IX—XIV вв., описанныхъ главнымъ образомъ проф. Дмитріевскимъ, онъ обобщаетъ содержаніе послѣднихъ въ предѣлахъ означеннаго времени, отмѣчая характерныя на его взглядъ особенности въ размѣщеніи тѣхъ или иныхъ молитвъ, различіе въ ихъ числѣ и степень распространенности или повторяемости ихъ въ Евхологіяхъ; старается обозначить время появленія и самый процессъ образованія тѣхъ или другихъ чиновъ. Всѣ три литургіи съ ихъ *Diataxi*сомъ, молитвы: для причащающихся, паннихидныя и часовъ, вечернія и утреннія, на освященіе воды въ день Богоявленія, въ Пятидесятницу и въ недѣлю Вайи, читавшіяся епископомъ при разнаго рода посвященіяхъ, освященіяхъ и производствахъ и священникомъ при совершеніи таинствъ: крещенія, покаянія, брака и елеосвященія, чины постриженій и погребеній и въ заключеніе молитвы на разные случаи, числомъ болѣе 30-ти, съ болѣе или менѣе краткими поясненіями проходятъ предъ читателемъ, вызывая въ головѣ его сомнѣніе на счетъ пригодности разсмотрѣнія ихъ для той ближайшей цѣли, какая предположена была авторомъ. Въ третьей и послѣдней главѣ сочиненія: „Происхожденіе и составъ греческаго рукописнаго Евхологія“, „изложенной конспективно“ на пяти четверткахъ, послѣдній высказываетъ нѣсколько соображеній или точнѣе предположеній касательно времени появленія Евхологія и его первоначальнаго состава.

Предметъ, которымъ пришлось заниматься г. Буравцеву, мало затронутый въ литургической наукѣ и трудно поддающийся обработкѣ. Даже опытный работникъ, заявившій себя солиднымъ изданіемъ матеріаловъ, относящихся къ греческому Евхологію, ограничился лишь повтореніемъ по данному вопросу мыслей, высказанныхъ другимъ. Было бы поэтому несправедливо винить совсѣмъ новичка въ наукѣ за то, что онъ не только не окончилъ своей работы, но и почти не подвинулъ дѣла впередъ; остановившись какъ разъ предъ тѣмъ, надъ чѣмъ больше всего ему надлежало работать. Не

ясно съ самаго начала опредѣливъ свою задачу, онъ ошупью шель потомъ къ ея рѣшенію, нерѣдко сбиваясь въ стороны и, во вредъ себѣ и дѣлу, широко ставя границы для своего изученія. Авторъ поступилъ бы гораздо лучше, напимѣръ, если бы, объединивъ и въ крайнемъ случаѣ даже совсѣмъ оставивъ многочисленныя молитвы на разные случаи и даже нѣкоторыя изъ чинопослѣдованій, сосредоточилъ свое вниманіе на тѣхъ изъ послѣднихъ, которыя наиболѣе давали сколько-нибудь прямыхъ данныхъ для рѣшенія вопроса. Задавшись мыслию объять все содержаніе древнѣйшаго греческаго Евхологія, выслѣдить исторію записи каждаго чина въ немъ, онъ принужденъ былъ или отсылать читателя къ трудамъ своихъ предшественниковъ, которыми самъ, за недостаткомъ времени, не могъ воспользоваться, или оговариваться, что де „отмѣчаетъ только нѣкоторыя характерныя черты“. Не разъ весь „анализъ“ его сводится къ простой выпискѣ началъ молитвъ или надписей надъ ними. Вотъ почему нельзя не пожалѣть, что авторъ не остался вполне вѣренъ собственному плану, въ началѣ учебнаго года представлявшемуся, и на половину лишь привялъ указанія другихъ. На ходъ его работы въ первой главѣ замѣтно отразилось вліяніе книжки Achelis'a: Die Canones Hippolyti, а вся вторая—даетъ читателю немного болѣе того, что содержитъ въ себѣ *Πίναξ τῶν ἐν τοῖς Εὐχολογίοις περιεχομένων*, приложение А. Дмитріевскимъ ко II-му тому его „Описанія литургическихъ рукописей (Евхологіевъ), хранящихся въ бібліотекахъ православнаго востока“. Авторъ вполне правъ, смотря на сочиненіе свое, какъ на „справочникъ“. Въ немногочисленныхъ разсужденіяхъ, разсѣянныхъ въ послѣднемъ, встрѣчаются утвержденія, ни на чемъ не обоснованныя, сопоставленія памятниковъ совсѣмъ неожиданныя, мысли невѣрныя или же противорѣчація одна другой (стр. 1, 22, 89, 106—107, 129, 134, 149—150, 144, 157, 189—190, 193—194, 197); есть даже рѣчи, лишенныя логическаго и грамматическаго смысла (стр. 1, 16, 48, 141, 144, 155, 162, 163, 173, 176, 188, 194), вылившіяся, быть можетъ, изъ-подъ пера автора въ тѣ минуты, когда у него, по чистосердечному признанію, „опускались руки предъ тѣмъ хаотическимъ безпорядкомъ, который царитъ“ въ расположеніи молитвъ и чиновъ въ Евхологіяхъ. Придуманная имъ группировка молитвъ по

мѣстамъ искусственна, а переходы въ сужденіяхъ отъ однихъ молитвъ къ другимъ прямо-таки отзываются схоластикой. Обширная и на видъ внушительная цитация нерѣдко очень глухая: вмѣсто одной—двухъ страницъ называются цѣлые десятки ихъ; множество въ текстѣ цифръ, не имѣющихъ соответствующихъ ссылокъ и примѣчаній. Находится въ сочиненіи (стр. 117) и такого рода цитата: „Бес. на посл. къ Колоссаемъ, СПб. 1858, стр. 214 (? Бес. на 1 Корн. Спб. 1858 ч. 2. стр. 81? въ виду отсутствія подъ руками цит. сочиненій указываемъ двѣ цитаты, изъ которыхъ одна истинная)“. Внѣшняя сторона сочиненія, какъ можно отчасти судить уже по приведенной выдержкѣ, весьма неисправна. Авторъ нерѣдко повторяется и особенно часто грѣшитъ противъ пунктуаци, ставя запятую вмѣсто точки, точки съ запятой; послѣдній знакъ, можно сказать, у него въ полномъ изгнаніи. Онъ пишетъ: Карышевъ вм. Карашевъ, Гефестомъ вм. Гемистою, у Георгія Амартолы, Мансветовъ и Мансвѣтовъ, впервые и въ первые, паралель, изъ древнѣйшихъ Евхологій, позднѣе происхожденіе, моленіи вм. моленія, пріоратать, прелатуры и др. (стр. 16, 18, 48, 85, 141, 142, 144, 148, 157, 178 и др.). Отсутствіе цитатъ и небрежность въ приведеніи ихъ, какъ и часть орфографическихъ ошибокъ, можно объяснить спѣшностію переписки предъ подачей сочиненія и долговременнымъ пребываніемъ г. Буравцева по болѣзненному его состоянію въ Москвѣ, гдѣ трудно было имѣть подъ руками всѣ нужныя книги, а присутствіе многихъ иностранныхъ словъ—обращеніемъ его съ иноязычными пособіями. — Отмѣченные въ сочиненіи недостатки не препятствуютъ однакоже работѣ г. Буравцева отнести къ разряду хорошихъ. Онъ сдѣлалъ повидимому все, что могъ сдѣлать втеченіе семи—восьми мѣсяцевъ: ознакомился нѣсколько съ отечественною литературой по части богослуженія, проштудировалъ книжки, относившіяся къ его темѣ, и приобрѣлъ удовлетворительныя свѣдѣнія въ занимавшемъ его вопросѣ. На указанные ему канонико-литургическіе сборники онъ обратилъ должное вниманіе: изучалъ и сравнивалъ тексты, кой-что перевелъ изъ нихъ, помѣстивъ въ приложеніи къ своему сочиненію; узналъ и нѣчто изъ того, что высказано было объ этихъ памятникахъ въ нѣмецкой литературѣ послѣдняго времени. Но въ особенную заслугу автора

слѣдуетъ, конечно, поставить его близкое знакомство съ со-держаніемъ древнѣйшаго греческаго Евхологія, изрѣдка сопоставляемаго имъ и съ нашими славянскими служебниками и требниками. Освѣдомленность г. Буравцева въ данной области вполне достаточная и она-то главнымъ образомъ даетъ намъ основаніе признать его заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

8. Экстраординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго о сочиненіи студента *Василькова Павла* на тему: „Аскетизмъ. Сужденія о немъ современныхъ „неохристіанъ“ въ свѣтѣ ученія святоотеческаго“:

„Автору не удалась, какъ слѣдуетъ, обработать свое сочиненіе,—если не ошибаемся, вслѣдствіе тяжелой и продолжительной болѣзни. На его необработанность онъ и самъ, съ грустью, указываетъ въ предисловіи и объ этомъ, дѣйствительно, нельзя не пожалѣть. Но и въ этой формѣ, въ какой оно предлежитъ предъ нами, оно служитъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ о томъ, что авторъ человекъ не только трудолюбивый, но и даровитый.—Онъ собралъ достаточно матеріала и изложилъ его, хотя по мѣстамъ и безъ обработки, но съ пониманіемъ и даже, такъ сказать, проникновеніемъ въ психологію аскетизма и сужденія о немъ *за* и *противъ*. Ему приходилось проходить тѣснымъ путемъ между двумя крайностями, причемъ трудность прохожденія между ними еще усиливалась разгорѣвшимся около вопроса современнымъ споромъ. Но высказавшись *за* созерцательный аскетизмъ, типичнымъ и наиболѣе современнымъ воплощеніемъ котораго служитъ отшельничество (монашество совершенно правильно разсматривается въ сочиненіи, какъ одна изъ формъ православно-христіанскаго аскетизма), авторъ—не сомнѣваемся,—поступилъ совершенно искренно. Далѣе, своимъ путемъ онъ проходитъ не только съ достоинствомъ, безъ тѣни увлеченія полемикою, но и въ надежномъ союзничествѣ (Достоевскій, преосвященный Теофанъ Затворникъ, „Голосъ Вселенской Церкви“, какъ онъ выразился преимущественно въ каноническихъ опредѣленіяхъ). Все это со-общаетъ его труду вѣсъ и основательность.—Литературными приѣмами авторъ владѣетъ достаточно: пишетъ правильно, стильно и даже колоритно. На иныхъ страницахъ его изложе-ніе достигаетъ красоты прямо художественной (см. осо-

бенно картинное начало первой главы).—Необработанность и, такъ сказать, недовершенность, литературная и логическая, труда автора, конечно, нѣсколько уменьшаетъ его цѣнность, но нисколько не препятствуетъ признать его достаточнымъ для присужденія ему степени кандидата богословія и даже съ похвалою“.

9. Экстраординарнаго профессора Александра Шостына о сочиненіи студента *Вершинскаго Георгія* на тему: „Борьба древне-русскихъ пастырей съ народными суевѣріями“:

„По словамъ г. Вершинскаго, „вопросъ о борьбѣ древне-русскихъ пастырей съ народными суевѣріями имѣетъ двоякое значеніе: во-первыхъ, *научно-историческое*, поскольку опредѣляетъ роль древне-русскаго духовенства въ исторіи просвѣщенія и культуры русскаго народа, и во-вторыхъ, *церковно-практическое*, поскольку рассматриваемая дѣятельность древне-русскихъ пастырей можетъ служить примѣромъ и дать указанія для современной пастырской дѣятельности духовенства“ (стр. 6—7). Съ такой точки зрѣнія онъ и обозрѣваетъ борьбу пастырей съ суевѣріями на пространствѣ первыхъ шести столѣтій русской исторіи, при чемъ различаетъ здѣсь два періода: первый періодъ—отъ начала христіанства на Руси до конца XIV вѣка, когда суевѣрія сохранили замѣтную связь съ древне-языческими вѣрованіями и представленіями, второй періодъ съ XV по XVI в., когда развитіе обрядоваго направленія и внѣшняго благочестія породило не мало суевѣрій на христіанской почвѣ и когда прежнія языческія суевѣрія наблюдались только въ новопросвѣщенныхъ окраинахъ Московскаго государства (стр. 101—103).

И въ самомъ характерѣ борьбы пастырей съ народными суевѣріями авторъ находитъ нѣкоторую разницу между указанными періодами. Именно: „въ XI—XIV вв. борьба велась преимущественно частными лицами по собственному почину: въ XV и XVI вв. въ эту борьбу вмѣшивается государственная власть... входятъ въ употребленіе „градскія казни“, ссылки, темничныя заключенія и т. д.“ (стр. 103—104). Первый періодъ обслѣдованъ въ первыхъ трехъ главахъ (стр. 20—293), второй—въ послѣдней (IV) главѣ (стр. 294—401).

Матеріаль, подлежащій изученію г. Вершинскаго, въ достаточной мѣрѣ уже извѣстенъ и указанъ въ различныхъ курсахъ русской исторіи и литературы, а также въ нѣкото-

рыхъ историческихъ монографіяхъ. Поэтому трудъ нашего автора, не претендуя на оригинальность, имѣетъ то достоинство, что въ немъ этотъ матеріалъ внимательно провѣренъ по первоисточникамъ (хотя и не рукописнымъ), собранъ и сгруппированъ въ надлежащемъ порядкѣ, освѣщенъ съ одной опредѣленной точки зрѣнія.

Оставляя въ сторонѣ нѣкоторые частные недосмотры и случайныя ошибки, нельзя не пожалѣть о томъ, что авторъ не только не далъ, но даже и не попытался дать болѣе или менѣе точное понятіе о суетвѣрии.

При всемъ томъ, разсматриваемый трудъ г. Вершинскаго можетъ быть признанъ хорошей диссертациею на степень кандидата богословія“.

10. Экстраординарнаго профессора Михаила Тарѣева о сочиненіи студента *Волотовскаго Михаила* на тему: „Критическій обзоръ русской этической литературы за послѣднюю четверть вѣка“:

„Сочиненіе г. Волотовскаго состоитъ изъ предисловія и трехъ частей. Первая часть (стр. 1—78), по опредѣленію автора, данному въ предисловіи, „носитъ чисто библиографическій характеръ и представляетъ хронологическій обзоръ“ русскихъ сочиненій по этикѣ,—здѣсь авторъ частью называетъ, частью кратко излагаетъ, въ большинствѣ случаевъ обозначая степень достоинства, до 180 сочиненій—журнальныхъ статей, брошюръ и книгъ; вторая часть (стр. 79—156) „представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ прагматической исторіи отечественной этики и даетъ посильный очеркъ развитія свѣтской этической литературы“, третья часть „содержитъ въ себѣ критическое обзорѣніе различныхъ моральныхъ системъ“ и именно Дебольскаго (стр. 157—207), Кавелина (208—236), Оболенскаго (237—292), Соловьева (293—365) и Грота (366—373).

Если это сочиненіе оцѣнивать какъ ученый, приготовленный къ печати, трудъ, то въ немъ нужно указать нѣсколько крупнѣйшихъ недостатковъ и трудно указать достоинства, которыя могли бы оправдать его появленіе въ печати. О первой части въ этомъ отношеніи сказать нечего, потому что въ печатномъ трудѣ это былъ бы просто указатель, занимающій 2—3 страницы. Вторая часть уже потому не можетъ имѣть научнаго значенія, что авторъ не указываетъ

начала и степени самостоятельности этического движения в нашей литературе; равным образом он не отмѣчаетъ того мѣста, которое въ этомъ движеніи занимаютъ болѣе крупныя сочиненія и опредѣлившіяся системы, разсматриваемыя въ третьей части. Наконецъ, послѣдняя часть много теряетъ въ своемъ значеніи вслѣдствіе того, что критическія замѣчанія автора, какъ онъ самъ въ этомъ неоднократно сознается, всецѣло взяты имъ изъ наличной критической литературы.

Но въ иномъ свѣтѣ окажется сочиненіе Вологовскаго въ качествѣ студенческой работы. Въ этомъ отношеніи сочиненіе прежде всего свидѣтельствуетъ о трудолюбіи автора, который съ несомнѣнною пользою для себя употребилъ время, назначенное для писанія кандидатскихъ сочиненій: онъ основательно и осмысленно изучилъ русскую этическую литературу, какъ въ положительной, такъ и критической ея частяхъ. Очевидно, что онъ изучалъ свой предметъ съ любовью, которая „не перестаетъ“ быстро и побудить его продолжать свои занятія въ этической области; трудолюбіе его можетъ быть названо выдающимся и заслуживаетъ особой похвалы. Затѣмъ сочиненіе достаточно свидѣтельствуетъ объ умѣннѣ автора писать. Онъ сумѣлъ ориентироваться въ массѣ матеріала, излагаетъ кратко и ясно, выбираетъ изъ чужого лучшее и болѣе характерное, пишетъ чистымъ литературнымъ и живымъ языкомъ. Сочиненіе читается съ интересомъ.

Трудъ Вологовскаго можно было бы признать весьма хорошимъ, если бы впечатлѣнія не портили дурной тоной, проскальзывающей въ двухъ — трехъ мѣстахъ сочиненія. На стр. 288 авторъ пишетъ: „На уныломъ фонѣ (жизни) начинаютъ появляться проблески болѣе свѣтлаго, болѣе отраднаго будущаго, съ иной моралью, не обезличивающей челоувѣка, не дѣлающей изъ него безжизненный автоматъ, вся жизнь и дѣятельность котораго должна опредѣляться шаблономъ. Въ Даніи—Ибсенъ, въ Германіи—Ницше и (отчасти) Гауптманъ съ Зудерманомъ, у насъ—Мережковскій и представители идеалистическаго („новаго“) направленія — вотъ первыя ласточки грядущей весны“. Въ частности о Ницше, называя его геніальнѣйшимъ изъ моралистовъ (стр. 89) и колоссальнымъ талантомъ (92), мы читаемъ (стр. 90—91): „Но вотъ тенденціи Ницше начинаютъ все болѣе и болѣе прони-

каты въ русскую публику. Сила и мощная красота ихъ начинаютъ завоевывать себѣ не только вниманіе, но и симпатіи. Теорія *vebermench'* а (Sic! О незнаніи авторомъ нѣмецкаго языка кромѣ сего начертанія говорятъ и остальные четыре нѣмецкихъ слова, украшающія сочиненіе на стр. 231: *verstand, vernunft, densen, nachdensen*) получаетъ широкую извѣстность и пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе поклонниковъ. Появляются горячіе адепты ницшеанства и даже мало по малу образуется типъ русскихъ *vebermench'evъ*“ и т. д. Эти печальныя строки говорятъ, конечно, не объ увлеченіи автора „типомъ веберменха“, а просто о его невѣжествѣ: о Ницше онъ судитъ по наслышкѣ... Неумѣренный въ похвалахъ авторъ не знаетъ границъ въ порицаніяхъ. На стр. 96 онъ пишетъ о профессорѣ одной изъ нашихъ академій, докторѣ богословія: „такія печальныя исключенія, какъ проф. N (имя рекъ), къ счастью очень и очень рѣдки“... Къ счастью Волотовскаго выписанныя строки въ его сочиненіи только „печальныя исключенія“.

Степени кандидата богословія г. Волотовскій заслуживаетъ“.

11. Ординарнаго профессора Сергѣя Глаголева о сочиненіи студента *Воскресенскаго Николая* на тему: „Сущность христіанства (сопоставленіе и разборъ взглядовъ Гарнака и Зееберга)“:

„Гарнакъ и Зеебергъ читали послѣдовательно въ Берлинскомъ университетѣ студентамъ всѣхъ факультетовъ лекціи: первый о сущности христіанства, второй—объ основныхъ истинахъ христіанской религіи, т. е. объ одномъ и томъ же, только первый подъ болѣе, а второй—подъ менѣ претенціознымъ заглавіемъ. И Гарнакомъ и Зеебергомъ были изданы книги, содержащія прочитанные ими курсы. Г. Воскресенскому было предложено сопоставить и разобрать по этимъ книгамъ воззрѣнія названныхъ ученыхъ. Лекціи Гарнака уже неоднократно были предметомъ обсужденія и критики въ русской литературѣ, лекціи Зееберга критическому разбору у насъ, кажется, не подвергались, тѣмъ болѣе тѣ и другія не разсматривались совмѣстно, между тѣмъ они связаны мѣстомъ, временемъ и—главное—идеями, совмѣстно ярко характеризуютъ современную либеральную претестантскую мысль и даютъ много матеріала и пищи для размышленія и выводовъ.“

Г. Воскресенскій провелъ годъ съ пользою надъ чтеніемъ этихъ книгъ и размысленіемъ объ ихъ содержаніи. Онъ далъ сочиненіе (IX+552+VIII стр.), въ которомъ добросовѣстно изложены взгляды Гарнака и Зееберга и основательно раскрыто, почему эти взгляды авторъ не считаетъ правильными,

Сочиненіе состоитъ изъ введенія, семи главъ и заключенія. Во введеніи авторъ знакомитъ читателя съ Гарнакомъ и Зеебергомъ, какъ учеными. Въ первой главѣ излагаетъ книгу Гарнака главнымъ образомъ посредствомъ буквальныхъ выдержекъ изъ книги, во второй главѣ по тому же приему излагаетъ книгу Зееберга и въ третьей сопоставляетъ Зееберга съ Гарнакомъ, отмѣчая, что въ работѣ перваго содержится много скрытой полемики съ послѣднимъ. Въ четвертой главѣ авторъ говоритъ о методѣ Гарнака и Зееберга и ихъ взглядѣ на Евангеліе и чудеса. Здѣсь авторъ много говоритъ вѣрнаго, но напрасно онъ старался искать какой-то строго дисциплинированной методологіи у разбираемыхъ имъ ученыхъ. Они сортируютъ содержаніе Евангелія и истолковываютъ его не по какимъ-либо строго опредѣленнымъ методамъ, не историческими приемами, какъ претендуетъ Гарнакъ, и не путемъ религіознаго переживанія, какъ претендуетъ Зеебергъ, а исходя изъ нѣкоторыхъ теоретическихъ религіозныхъ и философскихъ принциповъ. Авторъ и чувствуетъ и замѣчаетъ это, но за всѣмъ тѣмъ онъ вѣрится заявленіямъ ученыхъ, книги которыхъ обсуждаетъ, болѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Пятая, шестая и седьмая главы посвящены авторомъ разбору взглядовъ Гарнака и Зееберга на 1) личность Иисуса Христа, 2) сущность христіанства, 3) искупительное дѣло Христа. Онъ раскрываетъ, что устанавливаемые ими взгляды частію стоятъ въ противорѣчій съ признаваемыми ими принципами, частію совершенно произвольны. Въ заключеніи авторъ отмѣчаетъ, что появленіе такихъ и подобныхъ взглядовъ естественно въ исповѣданіи, гдѣ личный субъективизмъ не сдерживается и не регулируется авторитетомъ Церковнаго ученія. Расходясь по существу въ религіозныхъ взглядахъ съ Гарнакомъ и Зеебергомъ, авторъ на всемъ протяженіи своей работы старался отмѣчать то, что въ трудахъ этихъ ученыхъ заслуживаетъ одобренія и привѣтствія со стороны православнаго богослова.

Критическій разборъ книги почти неизбѣжно предпола-
гаетъ собою повторенія: нужно сначала изложить мысли
книги, а затѣмъ опять возвращаться то къ тѣмъ, то къ
другимъ изъ нихъ. А если не предпослать изложенія раз-
бору книги, то можно внушить о ней совершенно невѣрное
понятіе читателю или даже не дать цѣльнаго представленія.
Но если повторенія въ подобныхъ трудахъ и неизбѣжны, то
во всякомъ случаѣ не въ той мѣрѣ, въ какой допускаетъ
ихъ г. Воскресенскій. Многократно онъ приводитъ одни и тѣ
же мѣста изъ Гарнака и Зееберга и почему-то иногда въ
разныхъ переводахъ (см. 197, 291, 370 стр. сочиненія). Если
принять во вниманіе, что Зеебергъ самъ по себѣ многосло-
венъ и что нашъ авторъ повторяетъ нерѣдко однѣ и тѣ же
его многословныя фразы, то понятно, что читатель на нѣ-
которыхъ страницахъ его книги испытывалъ утомленіе.

Критическій аппаратъ у автора былъ готовый, его доста-
вили ему русскіе догматическіе и апологетическіе труды и
уже отчасти нѣмецкіе полемическіе этюды, направленные
противъ Гарнака. Авторъ въ общемъ умѣло воспользовался
ими. Но порою его соображенія трудно признать правиль-
ными. Такъ, онъ полагаетъ (509 стр.), руководясь 3 глав.
Бытія, что земля проклята за человѣка, но на самомъ дѣлѣ
въ Библии говорится, что она проклята *въ дѣлахъ* человѣка.
Это—совершенно другая мысль, ведущая совсѣмъ къ инымъ
воззрѣніямъ. Разсуждая объ искупительномъ значеніи смерти
Христовой, авторъ принимаетъ такую теорію: чтобы умеръ
грѣхъ, нужно, чтобы умеръ грѣшникъ. Всѣ люди грѣшники,
слѣдовательно, всѣ должны умереть. Но тогда прекратился
бы человѣческій родъ. Въмѣсто этого Христосъ умеръ за
всѣхъ (излагаю сокращенно, см. 527—528 и др. стр.). Въ
этомъ разсужденіи непонятно, какъ смерть Христа могла
имѣть замѣщающую силу. Невидно, какъ выводъ о необхо-
димости и великомъ значеніи смерти Христа вытекаетъ изъ
посылокъ. Затѣмъ и послылка или тезисъ: для того, чтобы
умеръ грѣхъ, нужно, чтобы умеръ грѣшникъ, представляется
неубѣдительною. Никакой грѣшникъ не состоитъ изъ однихъ
лишь грѣховъ, въ каждомъ таится и что-либо доброе. Для
торжества добра нужна не смерть человѣка, а только смерть
грѣха въ человѣкѣ.

Воззрѣнія Гарнака и Зееберга понятны авторомъ пра-

вильно, но оцѣненъ имъ правильнѣе Гарнакъ, чѣмъ Зеебергъ.

Многое можно бы и еще сказать противъ Гарнака и Зееберга, безъ сомнѣнія, и авторъ располагалъ еще матеріаломъ для возраженій, но и сказаннаго имъ достаточно для выясненія. что та двухсмысленная почва, на которой стоятъ разбираемые имъ ученые (ни полного невѣрія въ Евангеліе, ни полной вѣры), не можетъ служить надежною опорою ни для какого міросозерцанія. Сочиненіе г. Воскресенскаго написано живымъ, литературнымъ языкомъ. Даже доводы, извлеченные изъ догматикъ, обыкновенно отталкивающихъ отъ себя читателя своимъ схоластическимъ строемъ, облечены въ удобочитаемую литературную форму. Г. Воскресенскій прочиталъ нѣсколько капитальныхъ богословскихъ трудовъ и несомнѣнно, что размышленіе надъ избранною имъ темою при помощи этихъ трудовъ содѣйствовало выработкѣ у него покоющагося на твердыхъ основахъ православнаго міросозерцанія.

Для полученія степени кандидата сочиненіе вполнѣ удовлетворительно“.

12. Заслуженнаго ординарнаго профессора Василя Соколова о сочиненіи студента *Высотскаго Павла* на тему: „Филиппъ Меланхтонъ и его значеніе въ исторіи протестантизма“:

„Сочиненіе г. Высотскаго предваряется краткимъ введеніемъ, гдѣ рѣчь идетъ объ источникахъ, которыми пользовался авторъ при своемъ изслѣдованіи, и формулируется его задача. О планѣ своей работы авторъ не говоритъ здѣсь во введеніи ни слова и самое сочиненіе его ни на какія части или главы не дѣлится. Только уже при чтеніи сочиненія читатель можетъ замѣтить, что сперва (стр. 7—310) авторъ подробно излагаетъ жизнь и дѣятельность Меланхтона въ хронологическомъ порядкѣ событій, а затѣмъ, въ остальной части сочиненія, пытается распредѣлить свой матеріалъ по нѣкоторому особенному плану. На стр. 310-й онъ говоритъ: „мы прослѣдили дѣятельность Меланхтона, такъ сказать, со стороны практической. Со стороны теоретической она складывается изъ положительной разработки протестантскаго ученія и дѣятельности полемической. Къ обзору той и другой мы теперь и перейдемъ“. Послѣ этого и слѣдуютъ:

а) обзоръ четырехъ главнѣйшихъ сочиненій Меланхтона (стр. 310—398) и б) обзоръ его полемики съ анабаптистами, Швевкфельдомъ и др. (стр. 398—432). Заключительная часть сочиненія предлагаетъ читателю, въ качествѣ выводовъ изъ предшествующаго изложенія, отвѣтъ на вопросы: а) какое мѣсто занималъ Меланхтонъ подлѣ Лютера? б) какое вліяніе оказалъ онъ на событія реформаціи? в) что сдѣлалъ для протестантскаго богословія? г) что сдѣлалъ для устройства протестантской церкви? (стр. 432—471).

Распредѣленіе матеріала въ сочиненіи г. Высотскаго нельзя назвать удачнымъ. Раздѣливъ дѣятельность Меланхтона на „практическую“, „теоретическую-положительную“ и „теоретическую-полемическую“, авторъ оказался не въ состояніи остаться вѣрнымъ этому дѣленію и, какъ и слѣдовало ожидать, при самомъ изложеніи ясно показалъ его, т. е. такого дѣленія, непригодность. Практическая дѣятельность Меланхтона такъ тѣсно сплеталась съ теоретической и полемическая съ положительной, что автору по необходимости пришлось спутывать содержаніе разныхъ частей своего сочиненія, нерѣдко повторяясь или дѣлать оговорки.

Автору не вмѣнялось въ обязанность изслѣдованіе указаннаго ему предмета по первоисточникамъ, такъ какъ краткій срокъ, назначаемый для кандидатскихъ сочиненій, не допускалъ возможности такого изслѣдованія. Его работа должна была утверждаться на рядѣ нѣмецкихъ изслѣдованій, обнимавшихъ предметъ со всѣхъ сторонъ и со всею обстоятельностью, при чемъ во главѣ этихъ изслѣдованій стояли спеціальныя монографіи о Меланхтонѣ Червенки и въ особенности Шмидта, которыми г. Высотскій и пользовался почти исключительно, удѣляя другимъ авторамъ гораздо менѣ вниманія, чѣмъ бы слѣдовало. При такой постановкѣ дѣла, т. е. когда весь матеріалъ по вопросу давался автору въ собранномъ уже и систематизированномъ видѣ, главная его задача состояла, очевидно, въ томъ, чтобы въ возможно-большемъ совершенствѣ переработать этотъ матеріалъ, искусно сгруппировать и освѣтить его и представить читателю живой и цѣльный образъ знаменитаго реформатора, вполне понятный въ процессѣ его личнаго внутренняго развитія и въ его вліяніи на ходъ тѣхъ событій, въ которыхъ ему пришлось принимать участіе. Къ сожалѣ-

нію, осуществленіе этой задачи г. Высотскимъ оставляетъ желать многого. Въ его сочиненіи элементъ прагматическій выступаетъ далеко не въ достаточной степени. Большая часть сочиненія представляетъ собою лишь простое изложене событій въ ихъ хронологическомъ порядкѣ, довольно сухо написанное, возбуждающее много частныхъ вопросовъ, которые остаются незадѣтыми и неразъясненными, и не дающее достаточно яркой характеристики ни личности реформатора, ни его дѣла. На стр. 18-й напр. авторъ говоритъ о кружкѣ Вимфелинга, но не даетъ разъясненій о характерѣ и значеніи этого кружка. На стр. 75-й онъ говоритъ о „неправильномъ пониманіи реформаціи Карльштадтомъ“, но не считаетъ нужнымъ указать, почему и въ чемъ состояла эта неправильность. Не разъясняетъ онъ и смысла упоминаемыхъ въ данномъ случаѣ Виттенбергскихъ движеній. Представляя въ дѣятельности Меланхтона и въ его воззрѣніяхъ нѣкоторыя очевидныя противорѣчія, авторъ совсѣмъ не обращаетъ на нихъ должнаго вниманія и потому они остаются для читателя странными и неразъясненными.

Въ своемъ изложеніи авторъ слишкомъ много подчиняется влиянію своихъ главныхъ руководителей, нерѣдко ограничиваясь лишь ихъ сокращеннымъ переводомъ.

Изъ мелкихъ недостатковъ сочиненія можно указать на нѣкоторыя ошибки въ частностяхъ, какъ напр. когда авторъ называетъ Рейхлина (стр. 11) „шуриномъ Георга“ (т.е. отца Меланхтона), тогда какъ самъ же онъ далѣе признаетъ его „дѣдомъ по матери“ и „братомъ бабушки“ Меланхтона (стр. 14).

Нельзя одобрить и странное пристрастіе автора къ иностраннымъ терминамъ, употребляемымъ иногда совсѣмъ безъ нужды и не кстати, какъ напр. „артикулы“, „конфессія“, „речесъ“, „декалогъ“, „Bedenken“, „absolutio“ и даже „Abendmahle“.

Не смотря на указанные недостатки сочиненія, въ виду того, что авторъ обнимаетъ свой предметъ съ достаточною полнотою и обстоятельностью, внимательно изучилъ свои пособия и даетъ надлежащій отвѣтъ на поставленный вопросъ, трудъ его можетъ быть признанъ для полученія степени кандидата богословія удовлетворительнымъ“.

13. Заслуженнаго ординарнаго профессора Василя Клю-

чевскаго о сочиненіи студента *Гречева Бориса* на тему: „Преп. Нилъ Сорскій и значеніе его устава скитскаго житія въ исторіи русскаго монашества“:

„Авторъ этого обширнаго сочиненія (353 страницы) развиваетъ свою тему въ такомъ порядкѣ: изложивъ біографическія свѣдѣнія о преп. Нилѣ Сорскомъ, онъ передаетъ содержаніе и разбираетъ основныя идеи Нилова устава скитскаго жительствова, потомъ, выясняя значеніе скитскаго жительствова по этому уставу въ исторіи русскаго монашества, рассматриваетъ мнѣнія послѣдователей преп. Нила и ихъ отношеніе къ вопросамъ современной имъ церковной и политической жизни Россіи, обстоятельно указывая при этомъ, какъ заволжскіе старцы проводили и измѣняли направленіе своего учителя, и наконецъ рѣшаетъ вопросъ о томъ, почему идеи преп. Нила не были усвоены его послѣдователями въ чистомъ видѣ и почему скитское житіе по его уставу не привилось къ русскому монашеству. Для жизнеописанія преп. Нила и разбора его устава, а также для изложенія мнѣній Вассіана Патрикѣева, Артемія, Бакшина и Θεодосія Косого авторъ воспользовался значительной литературой, но для опредѣленія значенія Нилова скитскаго житія у него не было пособій, которыя прямо отвѣчали бы на этотъ вопросъ. Обширная начитанность, умѣнье распределить и основательно истолковать собранный матеріалъ, привести изучаемыя явленія въ связь съ общими условіями, съ ходомъ всей церковной и государственной жизни времени, тонкій психологическій анализъ ученія преп. Нила объ „умномъ дѣланіи“, тщательное изученіе разнообразныхъ попутныхъ вопросовъ и наконецъ ясное, отчетливое изложеніе—все это даетъ основаніе признать сочиненіе Б. Гречева выдающимся трудомъ“.

14. Заслуженнаго ординарнаго профессора Николая Каптерева о сочиненіи студента *Денисова Константина* на тему: „Вассіанъ Патрикѣевъ“:

„Какъ извѣстно, время Нила Сорскаго, Іосифа Волоцкаго, Вассіана Патрикѣева, Максима Грека, митрополита Даніила, когда у насъ и литературно и на соборахъ горячо обсуждались и рѣшались вопросы о монастырскихъ имуществвахъ, о преслѣдованіи еретиковъ, о вдовыхъ священникахъ, имѣетъ довольно значительную литературу, въ которой указаны и

обслѣдованы всѣ матеріалы, относящіеся къ даннымъ вопросамъ, установленъ тотъ или другой взглядъ на тогдашнихъ дѣятелей и на событія, причемъ авторы болѣе или менѣе подробно касались и дѣятельности Вассіана Патрикѣева, такъ какъ въ обсужденіи и рѣшеніи указанныхъ вопросовъ онъ игралъ очень видную и дѣятельную роль. Въ виду этого нашему автору приходилось главнымъ образомъ только обстоятельно познакомиться съ существующей уже по данному предмету литературой и выдѣлить изъ нея все, что спеціально касалось въ ней Вассіана Патрикѣева, и уже изъ этого матеріала составить о немъ отдѣльную монографію, нѣсколько пополнивъ и расширивъ имѣвшіеся ранѣе о немъ свѣдѣнія. Указанную задачу и выполняетъ нашъ авторъ. Понятно, по самому существу дѣла, онъ не могъ внести въ свое изслѣдованіе ни новыхъ неизвѣстныхъ доселѣ матеріаловъ, такъ какъ ихъ нѣтъ; ни новаго или оригинальнаго освѣщенія готоваго уже матеріала; онъ только добросовѣстно изучилъ то, что уже сдѣлано ранѣе его, разбросанный матеріалъ привелъ въ связь и стройный логическій порядокъ, причемъ авторъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ привлекалъ въ своемъ изслѣдованіи и неизданный рукописный матеріалъ, повѣрялъ имъ тѣ или другіе выводы ранѣйшихъ писателей и нѣкоторыя доселѣ неизданныя сочиненія Вассіана помѣстилъ у себя въ приложеніи.

Сочиненіе автора должно быть признано удовлетворительнымъ для полученія ученой степени кандидата“.

15. Заслуженнаго ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *священника Добротворскаго Василія* на тему: „Полномочія власти, права и преимущества епископскаго служенія въ православной Русской церкви“:

„Во введеніи авторъ опредѣляетъ задачу своего сочиненія слѣдующими словами: „показать, какъ возрастали права и полномочія епископовъ Русской церкви и затѣмъ—какъ они постепенно падали; указать всѣ измѣненія епископскихъ полномочій и правъ въ Русской церкви въ исторической послѣдовательности и насколько эти измѣненія соотвѣтствовали канонамъ вселенской церкви“ (стр. 24—25).

Причиною такого разнообразнаго и неустойчиваго общественаго положенія нашихъ епископовъ служило неодина-

ковое значеніе нашей церковной іерархіи въ общей государственной и гражданской жизни. Въ древнѣйшія времена это значеніе было шире и глубже, впоследствии оно сокращалось въ объемъ и умалялось въ силѣ.

Исходнымъ пунктомъ своего изслѣдованія въ указанномъ направленіи авторъ ставитъ порядокъ избранія и поставленія епископовъ; въ главѣ 1-й сочиненія и предлагается изображеніе его въ три важнѣйшіе историческіе періода нашей церковной исторіи—кіевскій или домонгольскій, московскій и синодальный (25—94).

Рукоположенный епископъ получаетъ въ свое управленіе епархію; послѣдняя и обозначаетъ внѣшніе предѣлы власти епархіального епископа; посему 2-я глава изслѣдованія и посвящена исторіи учрежденія русскихъ епархій и указанію особенностей внутренняго устройства епархіальныхъ отношеній, по сравненію съ каноническимъ типомъ этого устройства (стр. 94—164).

Полномочія епископской власти двухъ родовъ—священныя и правительственныя: первыя—учительство, паствоство и священнослуженіе, вторыя—законодательство, управленіе и судъ. Какъ примѣнялись епископами древней Руси эти полномочія—отвѣтъ представляютъ дальнѣйшія главы сочиненія.

Въ главѣ 3-й изображается примѣненіе епископами древней Руси полномочій учительства и паствоства (стр. 165—262), въ главѣ 4-й—указываются подробно особенности епископскаго священнослуженія въ древней Руси (263—361). На этомъ и оканчивается сочиненіе слѣдующимъ заявленіемъ автора: „За недостаткомъ времени намъ не удастся, къ сожалѣнію, прослѣдить подробно всѣ права и полномочія русскихъ епископовъ, а потому мы и представляемъ свой трудъ далеко не оконченнымъ, хотя матеріаль къ дальнѣйшей работѣ весь собранъ“.

Недостатокъ времени произошелъ для автора вследствие его серьезной и дов. продолжительной болѣзни.

Но и неоконченный трудъ автора даетъ достаточно основаній для сужденія о его качествахъ. Въ немъ ясно выступаетъ весьма обширная начитанность автора по данному предмету какъ въ подстрочной цитаци, такъ и въ началѣ сочиненія—въ спискѣ источниковъ и пособій (стр. I—XIX).

Эти источники двоякаго характера—каноническіе и историческіе; ихъ дов. много и — какъ видно изъ изложенія автора—изучены они основательно. Планъ сочиненія простъ и цѣлесообразенъ. Въ изложеніи замѣчаются недостатки точности въ употребленіи юридич. терминовъ и нѣкотораго многословія, но съ другой стороны выступаютъ и симпатичныя черты—искренность и простота въ выраженіи своихъ мыслей и любовь автора къ предмету, взятому для изслѣдованія.

Признаю сочиненіе достаточнымъ для присужденія автору степени кандидата богословія“.

16. Заслуженнаго ординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Дорошевскаго Теодора* на тему: „Догматическія воззрѣнія Вл. С. Соловьева“:

„Г. Дорошевскій сначала излагаетъ краткую біографію Соловьева (1—24 с.), затѣмъ дѣлаетъ общую характеристику его системы, столько же философской, сколько богословской (25—87). Послѣ этого въ четырехъ обширныхъ главахъ онъ даетъ изложеніе и оцѣнку слѣдующихъ основныхъ частей системы Соловьева: 1) ученія Соловьева о Богѣ Самомъ въ Себѣ и о Троичности лицъ въ Богѣ (89—214 с.), 2) ученія о Богѣ какъ творцѣ и промыслителѣ міра (215 — 306 с.), 3) ученія о Богочеловѣчествѣ и о лицѣ и служеніи Иисуса Христа (307—435), 4) ученія о христіанской церкви (437—556).

Авторъ труда хорошо ознакомился съ сочиненіями Соловьева по полному собранію ихъ, изданному товариществомъ „Общественная польза“ въ 8 томахъ. Для оцѣнки воззрѣній Соловьева онъ пользовался данными изъ системъ Православнаго догматическаго богословія и изъ журнальных критическихъ статей, появлявшихся въ свое время въ свѣтъ по поводу тѣхъ или иныхъ сочиненій Соловьева.

При изложеніи ученій Соловьева г. Дорошевскій не вдается въ подробности, но не упустилъ изъ вида все наиболѣе существенное.

Достоинства его критики—осторожность и умѣренность. Онъ не преувеличиваетъ ни достоинствъ, ни недостатковъ во взглядахъ Соловьева, что встрѣчается не часто у начинающихъ писателей. Но за то критика его по характеру довольно формальна, а по содержанію не всестороння.

Изложение и языкъ сочиненія безупречны.

За свой трудъ авторъ его достоинъ степени кандидата“.

17. Заслуженнаго ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Дьяченко Владимира* на тему: „Происхожденіе, характеристика и значеніе такъ называемыхъ Апостольскихъ Постановленій“:

„Сочиненіе состоитъ изъ введенія и двухъ частей.

Авторъ поставилъ своею задачею подвести итоги разнообразной и довольно многочисленной литературы, посвященной Апостольскимъ Постановленіямъ, чтобы представить рѣшеніе вопроса о происхожденіи этого памятника христіанской древности, указать характерныя стороны христіанской жизни, въ немъ изображаемой, и наконецъ—опредѣлить значеніе его, какъ источника права.

Соотвѣтственно такой задачѣ сочиненіе раздѣляется на слѣдующія части: 1-я—происхожденіе памятника; 2-я—характеристика его содержанія и 3-я—значеніе его (1—18).

Съ особенною подробностію авторъ разсматриваетъ вопросъ о происхожденіи Апостольскихъ Постановленій, расчленяя свое изслѣдованіе на 4 отдѣльныя главы 1-й части.

Исходя изъ общепринятаго положенія, что въ основѣ цѣлаго памятника лежатъ три самостоятельныхъ произведенія, авторъ каждому изъ нихъ и посвящаетъ отдѣльную главу, а въ четвертой изслѣдуетъ вопросъ, въ какое время и какимъ лицомъ были переработаны эти три основныхъ произведенія древней христіанской письменности и соединены въ одно цѣлое съ подраздѣленіемъ на восемь книгъ. Для этого отдѣла своего сочиненія авторъ усердно и добросовѣстно воспользовался спеціальною монографіею Funk'a: Die apostolischen Constitutionen, 1891, и русскою литературою, посвященною этому вопросу. Эта часть сочиненія представляется и по содержанію и по изложенію вполне обработанною и безукоризненною (68—219).

Вторая часть сочиненія занимается характеристиккою содержанія Апостольскихъ Постановленій, какъ источника права. Глава 1-я излагаетъ порядокъ принятія въ Церковь новыхъ членовъ путемъ оглашенія и крещенія (220—231). Глава 2-я изображаетъ составъ церковнаго общества—мірянъ и клира и взаимное ихъ отношеніе по дѣламъ церковнаго управленія (232—294).

Эти главы обработаны съ такою же полнотою и тщательностію, какъ и первая часть сочиненія. Но слѣдующія за тѣмъ главы: 3-я—о церковномъ судѣ, 4-я—о церковной дисциплинѣ, 5-я — о церковномъ имуществѣ — изложены только въ конспектѣ. Точно также въ конспектѣ только представлена и 3-я часть сочиненія, которая предназначалась для обстоятельнаго раскрытія значенія Апостольскихъ Постановленій въ исторіи церковнаго права и—значенія въ качествѣ источника науки церковнаго права.

Тяжкія семейныя обстоятельства воспрепятствовали автору представить въ полнотѣ и законченности преднамѣченный планъ сочиненія.

Но и въ своемъ настоящемъ видѣ сочиненіе въ достаточной мѣрѣ обнаруживаетъ добросовѣстное отношеніе автора къ дѣлу изученія избраннаго для сочиненія предмета изслѣдованія и умѣнье ориентироваться въ довольно сложной задачѣ изложенія довольно массивной литературы источниковъ и пособій. Рѣчь автора всюду тщательно обработана, изложеніе послѣдовательное, сужденія основательны.

Признаю его достаточнымъ для присужденія автору степени кандидата богословія“.

18. Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Зюкрева Георгія* на тему: „*Феофилактъ Лопатинскій и его дѣятельность въ борьбѣ съ расколомъ*“:

„Названное сочиненіе не принадлежитъ къ числу очень богатыхъ содержаніемъ и вполне удачныхъ по способу его разработки. Написанное на тему, предложенную самимъ авторомъ и—какъ можно заключать отсюда—особенно его интересовавшую, оно, тѣмъ не менѣе, вышло изъ-подъ его пера со всѣми признаками поспѣшной подневольной работы. Естественно хочется думать, что произошло это по какому-нибудь причинамъ, не вполне отъ него зависѣвшимъ. Состоитъ сочиненіе, кромѣ предисловія, изъ двухъ частей, изъ которыхъ первая (стр. 1—119), по мысли автора, должна представить очеркъ церковно-административной дѣятельности архіепископа Феофилакта въ борьбѣ съ расколомъ, а вторая (стр. 120—294)—обзоръ и оцѣнку его литературной противораскольнической полемики. Каждая часть, въ свою очередь, дѣлится на главы, содержаніе которыхъ нѣтъ необходимости указывать здѣсь въ виду того, что въ концѣ

сочиненія имѣется довольно подробное оглавленіе. Достаточно будетъ сказать, что содержаніе первой части, какъ оно обработано г. Звѣревымъ, имѣетъ лишь косвенное отношеніе къ его темѣ, говоря о противораскольнической дѣятельности не самого Теофилакта Лопатинскаго, а лишь тѣхъ учреждений (комиссіи для увѣщанія раскольниковъ, раскольнической конторы и т. п.), членомъ которыхъ былъ названный архипастырь. Ссылка на малочисленность доступныхъ матеріаловъ только отчасти можетъ оправдать въ данномъ случаѣ автора, который не попытался исчерпать по крайней мѣрѣ все то, что было у него подъ руками. Болѣе отвѣчаетъ требованіямъ темы вторая часть сочиненія, излагающая и разбирающая извѣстный полемическій трудъ Теофилакта: „Обличеніе неправды раскольническія“, сопоставляя его съ болѣе ранними печатными памятниками православной противораскольнической полемики. Хотя и эта часть не стоитъ на высотѣ требованій, предъявляемыхъ къ ученому изслѣдованію, тѣмъ не менѣе изъ нея видно, что авторъ приложилъ нѣкоторое стараніе къ своей работѣ и не лишенъ навыковъ, нужныхъ для научныхъ изысканій. Въ виду этого нахожу возможнымъ признать его сочиненіе удовлетворительнымъ для той цѣли, для которой оно писано“.

19. Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Ильинскаго Сергѣя* на тему: „Штундизмъ. Его сущность и причины широкаго распространенія на Руси“:

„Намѣтивши въ обширномъ (стр. I—XLIII) предисловіи задачи и планъ своего изслѣдованія, авторъ располагаетъ далѣе, это послѣднее въ четырехъ главахъ. Въ первой (стр. 1—99) онъ даетъ общую характеристику той эпохи, къ которой относится появленіе у насъ штунды, и тѣхъ условій общественно-религіозной жизни, которыя, по его мнѣнію, подготовили почву для названной секты. Во второй главѣ (стр. 100—194) излагается внѣшняя исторія штунды съ появленія ея въ южной Руси въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія до настоящаго времени. Третья глава (стр. 195—311), вмѣстѣ съ анализомъ вѣроизложенія штунды и краткимъ очеркомъ ученія исторически соприкасавшихся съ нею русскихъ сектъ, содержитъ попытку рѣшенія вопроса о сущно-

сти штундизма, на который авторъ смотритъ, какъ на „неудавшуюся попытку престолюдиновъ—выработать свое особое духовное учение“, выходя изъ принциповъ нѣмецкаго протестантизма. Содержаніемъ послѣдней главы (стр. 312—353) служить изложеніе причинъ широкаго распространенія штундизма на Руси, при чемъ авторъ наиболѣе подробно останавливается на одной, которую считаетъ главной, — на матеріальной необезпеченности приходскаго духовенства.

Разработанное по указанному плану, сочиненіе г. Ильинскаго достаточно для своего назначенія полно и разносторонне исчерпываетъ свою тему. Главнѣйшіе источники и пособія, необходимыя для этого, использованы авторомъ умѣло и обдуманно; не увлекаясь излишествомъ деталей, онъ ведетъ нить своего изслѣдованія стройно и послѣдовательно, и если не всѣ части своего труда обработаны одинаково обстоятельно, то во всякомъ случаѣ не упустилъ изъ вида ничего важнаго и существеннаго. Точка зрѣнія на изучаемый предметъ—вполнѣ соответствующая характеру церковно-богословскаго изслѣдованія; изложеніе почти вездѣ—литературное, иногда нѣсколько растянутое, но за то коегдѣ, наоборотъ, яркое и выразительное. Считаю автора достойнымъ искомой степени“.

20. Экстраординарнаго профессора Ивана Попова о сочиненіи студента *Казанскаго Николая* на тему: „Св. Меѳодій, епископъ Патарскій“:

„Задача г. Казанскаго не была ни слишкомъ обширной, ни слишкомъ трудной. Источникъ, который ему предстояло изучить, не великъ по объему. Отъ св. Меѳодія дошло до насъ немного сочиненій. Часть этихъ сочиненій сохранилась только въ славянскомъ переводѣ. Для остальной части, сохранившейся въ греческомъ подлинникѣ, существуетъ русскій переводъ. Литература предмета тоже не велика. Авторъ могъ ограничиться сжатой монографіей о св. Меѳодіи, въ которой были бы собраны всѣ данныя о его жизни и сочиненіяхъ, добытыя послѣдними специальными изслѣдованіями. Но и эта скромная задача выполнена авторомъ не вполнѣ успѣшно. Свою тему авторъ произвольно сузилъ. Въ его сочиненіи почти совсѣмъ отсутствуетъ изложеніе біографическихъ свѣдѣній о личности св. Меѳодія; въ немъ нѣтъ

также трактата о сочиненіяхъ этого писателя, ихъ содержаніи, подлинности и литературныхъ особенностяхъ.

Вмѣсто этого авторъ даетъ только изложеніе догматическаго и нравственнаго ученія св. Меѳодія. Это изложеніе онъ предваряетъ общею характеристикой греческой цивилизаціи, патристической литературы и личности св. Меѳодія.

Обширная вступительная глава (1—70 стр.), посвященная этому предмету, не только безъ ущерба, но даже и съ пользою для дѣла могла бы быть опущена авторомъ. Подобныя суммарныя характеристики могутъ имѣть значеніе лишь въ томъ случаѣ, если въ основѣ ихъ лежитъ богатая эрудиція и тонкое знаніе частныхъ. Само собою разумѣется, что у автора такихъ богатыхъ познаній въ классической и христіанской древности нѣтъ и быть не можетъ. Отсюда и его характеристика греческой культуры и патристической литературы представляетъ собою не что иное, какъ наборъ общихъ мѣстъ, повторяемыхъ во всѣхъ учебникахъ и до такой степени абстрактныхъ и неопредѣленныхъ, что изъ нихъ потомъ можно выводить что угодно. Изъ общихъ свойствъ, которыя авторъ приписываетъ грекамъ, онъ пытается понять особенности возрѣній св. Меѳодія. Нѣтъ сомнѣнія, что св. Меѳодій находился подъ вліяніемъ платонизма, и выяснить черты и степень этого вліянія было бы важно и интересно. Но для этого недостаточно смутнаго представленія объ общемъ характерѣ платонизма, а требуется детальное сравненіе, отъ котораго только и можно ожидать прочныхъ выводовъ. Задача эта не превышала силъ автора, потому что въ изданіи твореній Меѳодія, принадлежащемъ Jahnius'у, всѣ необходимыя параллели собраны и указаны въ видѣ по большей части глухихъ цитатъ. Автору было достаточно раскрыть эти цитаты и обработать собранный усиліями другихъ матеріаль.

Недостатокъ свѣдѣній въ патристической литературѣ и невниманіе къ литературѣ предмета имѣють своимъ послѣдствіемъ ошибочныя сужденія автора объ изучаемомъ писателѣ и его значеніи, равно какъ и не совсѣмъ вѣрное пониманіе нѣкоторыхъ пунктовъ догматическаго ученія св. Меѳодія.

Изучаемаго автора г. Казанскій считаетъ геніальнымъ

и не находить равнаго ему въ исторіи. „Эта гениальная личность, говорить онъ, въ столь немногихъ словахъ дала столь содержательное сокращеніе (?) всѣхъ результатовъ, до яснаго сознанія которыхъ дошла богословская мысль послѣдующаго періода, что напряженная дѣятельность богословствующихъ умовъ, составляющая славу никейской эпохи, по существу, новаго ничего не достигла“ (стр. 62). Наоборотъ, о великомъ Оригенѣ авторъ говоритъ съ обиднымъ пренебреженіемъ. Ученіе св. Меѳодія не всегда передается авторомъ правильно. Напр., доказательства свободы воли, поборникомъ которой былъ св. Меѳодій, излагаются такъ, что въ результатѣ получается почти полный детерминизмъ (стр. 97—107).

Въ числѣ недостатковъ второй и третьей главъ сочиненія, содержащихъ изложеніе догматическаго и нравственнаго ученія св. Меѳодія, нужно отмѣтить два. Во-первыхъ, это—недостаточная систематичность. Авторъ неожиданно переходитъ отъ одного пункта къ другому и также неожиданно возвращается снова къ тому, о чемъ уже было достаточно сказано. Во-вторыхъ, авторъ слишкомъ часто и слишкомъ много говоритъ словами памятника, не давая себѣ труда подвергнуть ихъ анализу и разъяснить. Къ нѣкоторымъ изъ перечисленныхъ недостатковъ, какъ напр. къ отсутствію общихъ знаній, нельзя, впрочемъ, относиться слишкомъ строго. Далѣе, въ противовѣсъ недостаткамъ сочиненія нужно указать на обнаруженное авторомъ вполне удовлетворительное знаніе главнаго источника—твореній св. Меѳодія. Авторъ читалъ и перечитывалъ ихъ. Подъ вліяніемъ этого чтенія у него создалось даже увлеченіе предметомъ изученія, и этимъ нужно объяснить преувеличенныя и невѣрныя сужденія о значеніи трудовъ св. Меѳодія въ патристической литературѣ. Скорѣе примиряешься съ ошибками, вытекающими изъ увлеченія предметомъ занятій и вызываемыми попытками взглянуть на дѣло по своему, чѣмъ съ вялой компиляціей, въ которой все гладко, но вмѣстѣ съ тѣмъ все сонно и безжизненно.

Удовлетворительное изученіе памятника и сердечный интересъ къ дѣлу даютъ мнѣ основаніе признать г. Казанскаго заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

21. Заслуженнаго ординарнаго профессора Петра Цвѣткова

о сочиненіи студента *Казанцева Николая* на тему „Алцимъ Екдицій Авитъ, епископъ Вьенскій, церковный писатель и дѣятель конца V и начала VI вѣка“:

„Сочиненіе г. Казанцева состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой части представляется церковно-общественная дѣятельность Авита, а во второй разсматривается его дѣятельность литературная. Къ сочиненію приложенъ русскій переводъ первыхъ трехъ пѣсней поэмы Авита „De spiritalis historiae gestis“, какъ онъ самъ называетъ это произведеніе въ одномъ письмѣ.

Авторъ съ значительною полнотою—и это первое достоинство сочиненія его—изображаетъ, по письмамъ самого Авита и по письмамъ другихъ лицъ къ нему, участіе Авита въ обращеніи Хлодвига къ христіанству, отношенія его къ бургундскимъ королямъ—Гундобаду и Сигизмунду, противодѣйствіе аріанству, заботы о церковномъ мирѣ и благоустройствѣ и заключаетъ первую часть сочиненія изложеніемъ свѣдѣній о соборѣ Епаонскомъ 517 года, на которомъ предсѣдательствовалъ Авитъ. Съ таковою же полнотою во второй части разсматриваются произведенія Авита. Именно, сначала устанавливается хронологія его писемъ, затѣмъ говорится объ его гомиліяхъ и дается краткій очеркъ его богословскихъ мыслей, наконецъ подробно разбираются стихотворныя произведенія его: „De spiritalis historiae gestis“ и поэма „De virginitate“: излагается содержаніе этихъ произведеній и, при этомъ, указывается вліяніе *Виргилія* на Авита въ „De spiritalis historiae gestis“. Авторъ не повсюду уразумѣваетъ точный смыслъ въ указанныхъ произведеніяхъ Авита. Но кто знаетъ, какъ труденъ для уразумѣнія языкъ въ произведеніяхъ древне-христіанской поэзіи, тотъ будетъ снисходителенъ къ невѣрностямъ въ переводѣ, допущеннымъ авторомъ. Болѣе важно то, что въ сочиненіи встрѣчаются опрометчивыя сужденія, поспѣшные выводы и отсутствуетъ провѣрка передаваемыхъ свѣдѣній. На стран. 32 ч. 2. авторъ говоритъ: „Мы имѣемъ 23 крошечныхъ отрывка (*Авитовыхъ*) обличеній аріанской ереси, въ большинствѣ случаевъ выуженныхъ изъ сочиненій *діакона Флора*“. Но какъ Авитъ могъ выудить изъ Флора, когда Флоръ жилъ въ 9 вѣкѣ? И это—не случайный недосмотръ. Столь же важный недостатокъ въ сочиненіи г. Казанцева составляетъ спутанность и неясность въ

сужденіяхъ, вслѣдствіе чего очень трудно сказать, какъ онъ судитъ о томъ или другомъ предметѣ. На стран. 44 ч. 2. читаемъ слѣдующее: „Главную основу идеямъ Авита далъ уже угасшій на Востокъ и умирающій на Западъ хиліазмъ. Оттуда Авитъ заимствовалъ идею о послѣдней кончинѣ міра черезъ огонь, о блаженствѣ праведниковъ послѣ этого истребленія міра. Конечно, и въ хиліастическихъ чаяніяхъ Авитъ имѣлъ уже основу для представленія о какомъ-то полудуховномъ, полуплотскомъ блаженствѣ праведниковъ, но эта идея могла быть заимствована имъ прямо готовою изъ сочиненія Августина о градѣ Божіемъ“. Ср. еще стран. 153—157 ч. 2., на которыхъ о поэмѣ Авита „De virginitate“ то говорится, что „это вовсе не поэма на библейскіе сюжеты, а весьма плохой панегирикъ“, то говорится, что „это панегирикъ не лучшей и не худшей другихъ панегириковъ, напр. Аполливарія Сидонія, предшественника Авита, и Фортуната, панегириста послѣдующаго времени, но гораздо лучшее произведеніе другихъ придворныхъ панегиристовъ“, то говорится, что „это произведеніе не хуже другихъ панегириковъ, а такъ какъ освѣжено еще введеніемъ въ панегирикъ новаго элемента Библии, то можетъ считаться даже однимъ изъ лучшихъ произведеній этой весьма плохой литературы“. Можетъ быть, прямого противорѣчія тутъ и нѣтъ, но неустойчивость и неопредѣленность мысли едва ли можетъ быть отрицаема. Наконецъ, можно пожелать большей обработанности изложенія.

Не смотря, впрочемъ, на означенные недостатки, сочиненіе г. Казанцева можетъ быть названо хорошимъ монографическимъ очеркомъ изъ церковной исторіи Галліи въ концѣ V и началѣ VI вѣка“.

22. Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Кирикова Владимира* на тему: „Внутреннія дробленія въ безпоповщинѣ, вызванныя вопросомъ объ отношеніи раскола къ государству и гражданскому обществу“:

„Задачу названнаго сочиненія должна была составить разработка одного изъ отдѣловъ внутренней исторіи старообрядческаго раскола,—выясненіе тѣхъ моментовъ въ историческомъ процессѣ саморазложенія безпоповщины и тѣхъ видоизмѣненій въ ея первоначальной доктринѣ, какія обу-

словливались непримиримостью ея коренныхъ основъ съ жизненно - практическими требованіями при установленіи отношеній послѣдователей безпоповщинскаго раскола къ чуждому для нихъ „никоніанскому“ государственному строю. Для выполненія такой работы, по мысли предложившаго ее, не видѣлось надобности загромождать предполагаемое изслѣдованіе фактическими подробностями, уже имѣющимися въ печатной литературѣ о расколѣ: принимая ихъ за достаточно извѣстныя читателю, авторъ долженъ былъ воспользоваться (разумѣется, съ извѣстною разборчивостью и надлежащей провѣркой) лишь окончательными результатами трудовъ своихъ ученыхъ предшественниковъ для новой обобщающей работы, устанавливающей не мелочныя детали прошлаго, а внутреннюю связь между главнѣйшими моментами изучаемаго процесса и выясняющей его историческія причины.

Примѣняя указанія сейчасъ требованія къ сочиненію г. Кирикова, мы найдемъ, что оно не вполне имъ соответствуетъ. Свое довольно обширное (480+VI стр. очень мелкаго и плотнаго письма) произведеніе авторъ дѣлитъ на шесть главъ, содержаніе которыхъ подробно указывается оглавленіемъ, приложеннымъ въ концѣ работы. Изъ нихъ двѣ первыя, тракующія о безпоповщинѣ въ ея отношеніи къ первоначальному расколу и о значеніи Петра Великаго въ исторіи раскола, занимаютъ почти четверть сочиненія (104 стр.), содержа въ себѣ много общеизвѣстныхъ подробностей, изъ-за которыхъ не достаточно опредѣленно выступаютъ нужные для цѣлей изслѣдованія выводы. Обѣ эти главы, соединенныя вмѣстѣ, безъ всякаго ущерба для дѣла могли бы быть сжаты въ нѣсколько вступительныхъ страницъ, содержащихъ общую характеристику безпоповщины конца XVII и начала XVIII в., съ ея ученіемъ объ антихристѣ и объ отношеніи вѣрныхъ „остальцевъ древняго благочестія“ къ существующему государственному строю. Избыткомъ ненужныхъ фактическихъ указаній (преимущественно біографическаго характера), не сообщающихъ ничего новаго, страдаетъ также третья глава (стр. 105—228)—о поморскомъ согласіи и четвертая (стр. 229—359) о едосѣвцахъ; менѣе замѣтно сказывается тотъ же недостатокъ изслѣдованія въ двухъ послѣднихъ главахъ—о филипповщинѣ (стр. 360—427)

и странникахъ (стр. 428—480). Увлеченіе воспроизведеніемъ мелкихъ фактическихъ подробностей имѣло для автора то невыгодное послѣдствіе, что помѣшало ему сосредоточиться на выясненіи логики историческихъ фактовъ и представить внутреннюю исторію безпоповщины, съ ея дробленіями на толки, какъ послѣдовательно раскрывающійся историческій процессъ; по крайней мѣрѣ, мысль о немъ лишь слабо намѣчается въ ходѣ изслѣдованія и не находитъ себѣ выраженія въ окончательныхъ выводахъ изъ него. Къ этому главному дефекту сочиненія присоединяются другіе: недостатокъ критики въ отношеніи къ сообщаемымъ фактамъ (напр., о пропагаторской дѣятельности еп. Павла коломенскаго въ поморскомъ краѣ—стр. 112), сомнительное толкованіе свидѣтельства историч. памятниковъ (стр. 381) и т. п. При всемъ томъ нельзя не отдать справедливости усердію автора и не оцѣнить по достоинству немалого труда, затраченнаго имъ на подборъ нужныхъ для изслѣдованія матеріаловъ и ученыхъ пособій. Въ литературномъ отношеніи сочиненіе почти не даетъ повода къ критическимъ замѣчаніямъ. Для присужденія г. Кирикову кандидатской степени признаю его сочиненіе вполне достаточнымъ“.

23. Заслуженнаго ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Крестіанполя Павла* на тему: „Духъ православнаго церковнаго права въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго законодательства древней Руси“:

„Сочиненіе состоитъ изъ введенія, восьми главъ и довольно большой заключительной части, которая, по словамъ автора, представляетъ лишь конспективный набросокъ мыслей, обосновать и раскрыть которыя воспрепятствовала ему болѣзнь.

Во введеніи авторъ довольно пространно выясняетъ характерныя свойства церковнаго права, отличающія его отъ права гражданскаго; опредѣляетъ задачу и планъ сочиненія (1—42).

Въ главѣ 1-й авторъ указываетъ совершенно правильно два рода источниковъ древняго русскаго права для сужденія о томъ, насколько и въ какихъ сторонахъ древне-русскаго юридическаго сознанія отразился духъ истиннаго церковнаго права и гдѣ—наоборотъ—онъ подавлялся мѣстными исто-

рическими условіями. Къ первымъ относятся: Русская Правда, уставы Владиміра и Ярослава, Псковская судная грамота, судебники и стоглавъ; ко вторымъ: грамоты, наказы, выборы, выписи, данныя, доклады, допросы, досмотры, догворы и проч., обычное право, лѣтописи, святительскія поученія, пословицы и поговорки (43—68).

Въ главѣ 2-й дается краткая характеристика просвѣтительной дѣятельности церкви посредствомъ школъ (69—83).

Въ главѣ 3-й представляются особенности правительственной церковной организациі и положенія клира по сравненію съ прототипомъ—византійскимъ (85—182). Глава 4-я изображаетъ объемъ древнерусскаго церковно-судебнаго вѣдомства, при чемъ авторъ совсѣмъ неясно и неправильно озаглавливаетъ этотъ трактатъ: „*юридическія права церкви*“ (вмѣсто: *судебная власть церкви*) (стр. 183—212). Глава 5-я раскрываетъ благотворное участіе іерархіи въ политической жизни древней Руси (213—243). Глава 6-я выясняетъ подробно и обстоятельно благотворное вліяніе церкви на семейную жизнь (245—333). Глава 7-я подъ рубрикою, не вполне точною: „*вліяніе церкви на гражданскіе юридическіе законы*“, изображаетъ участіе и значеніе іерархіи въ государственномъ и гражданскомъ законодательствѣ, а также вліяніе на обряды гражданского судопроизводства (335—407). Глава 8-я раскрываетъ вліяніе церкви на русское общество; авторъ подробно раскрываетъ доброе вліяніе церкви на семейные нравы, возвышеніе личности женщинъ и рабовъ, и отмѣчаетъ чрезмѣрное развитіе въ русскомъ народѣ обрядности, стремленія къ внѣшнему благочестію безъ желательнаго проникновенія въ сознаніе духа Евангелія и прямо осуждаетъ іерархію и монашество за крайне ригористическое отношеніе къ безразличнымъ по существу формамъ общественности, развлеченій, народныхъ обычаевъ (409—546). Глава 9-я представляетъ общій взглядъ автора на значеніе церкви въ древней Руси и намѣчаетъ рѣшеніе нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ нашего времени (о направленіи народнаго образованія и о социальномъ значеніи монашества) (547—593).

Довольно обширное сочиненіе автора раскрываетъ тему обстоятельно и полно; авторъ много потрудился какъ надъ изученіемъ первоисточниковъ, такъ и довольно большаго

количества пособій. Недостатки сочиненія относятся главнымъ образомъ къ внѣшнему изложенію. Авторъ не успѣлъ въ должной мѣрѣ пересмотрѣть своего сочиненія, чтобы исправить свой слогъ, неточность выраженной, и иногда нѣсколько наивныя, поспѣшныя сужденія.

Признаю сочиненіе удовлетворительнымъ для присужденія автору степени кандидата богословія“.

24. Преосвященнаго Ректора Академіи Епископа Евдокима о сочиненіи студента *Кутузова Михаила* на тему: „Состояніе русской проповѣди въ 60-е годы“:

„Въ числѣ обвиненій, которымъ подвергается русская Церковь со стороны своихъ противниковъ (либеральной интеллигенціи) и доброжелателей (новопутейцевъ) не разъ слышится жалоба, что она никогда не возвышала голоса въ защиту самыхъ жизненныхъ интересовъ общества. Часто ими повторяется, что „учащіе силы русской Церкви“ заключены въ тѣсномъ кругу своихъ собственныхъ интересовъ, что они слишкомъ уединили себя отъ общества, что ихъ вліяніе не простирается на жизнь гражданскую, что они остаются равнодушными къ самымъ живымъ вопросамъ гражданского общества, что они не сочувствуютъ ни радостямъ, ни скорбямъ народнымъ, что въ самомъ христіанствѣ они видятъ и понимаютъ одинъ только „загробный идеалъ“, оставляя земную сторону жизни, и что подобная односторонность мѣшаетъ имъ стать „ловцами человѣковъ“ въ наши дни. Эти обвиненія, устно и печатно раздающіяся въ средѣ нашего такъ называемаго образованнаго общества, даютъ новое оружіе для самыхъ ожесточенныхъ нападеній на церковь и на ея представителей“ (1—2 стр.).

Авторъ считаетъ эти обвиненія совершенно несправедливыми. Бурная эпоха 60-хъ годовъ дала ему громаднѣйшій, весьма цѣнный и убѣдительный матеріалъ для обоснованія своей главной мысли.

60-е годы называютъ весной русской жизни. До сихъ поръ многіе съ грустью смотрятъ на эти годы и вторятъ на разные лады, что они болѣе никогда не повторятся въ Россіи. Тогда была, говорятъ, жизнь ключемъ вездѣ и всюду. Реформа за реформой измѣняли весь укладъ жизни русскаго человѣка. Новое и живое слово слышалось тогда во всѣхъ уголкахъ отечества и во всѣхъ самыхъ не-

значительныхъ сферахъ жизни. Ломалось старое, вѣковое, замѣняясь новымъ. Что же Церковь? И она тогда не молчала. Ея живое дѣятельное участіе можно видѣть вездѣ и всюду. Можно сказать, не осталось ни одного новаго вѣянія, къ которому бы она тогда отнеслась безразлично.

Принимаетъ живое участіе церковь въ освобожденіи крестьянъ. Съ церковной кафедры раздается слѣдующее, наприм., смѣлое слово, котораго теперь никто, можетъ быть, не произнесъ бы. „Богачь, ты зажигаешь свѣчи предъ образами. Но посмотри на своихъ рабовъ, на этихъ вдовъ и сиротъ, на всѣхъ, къ кому ты былъ несправедливъ: они также пришли сюда, чтобы принести жалобу Богу; слезы ихъ погасятъ твои свѣчи. Лицемѣръ, лучше если бы ты не обижалъ ихъ, вмѣсто того, чтобы освѣщать храмъ Божій воскомъ, несправедливо приобрѣтеннымъ. Помоги же тѣмъ, которыхъ ты сдѣлалъ несчастными. Давать милостыню другимъ, во вредъ своимъ рабамъ, принуждать однихъ къ непрестанной работѣ и награждать другихъ—значить показывать не христіанскую любовь, а жестокость. Ты раздаешь милостыню нищимъ, а посмотри: въ эту минуту рабы твои пасутъ твои стада на полѣ сиротъ; другіе лишены пищи и одежды, и насиліями принуждены работать сверхъ силъ. Они падаютъ подъ бременемъ непосильныхъ налоговъ. Они ограблены тобою и доведены до нищеты, и всѣ они проливаютъ предъ Богомъ слезы и жалуются на тебя. Къ чему служить и твоя милостыня, судья неправедный“... и т. д. (119 стр.). Лишь только былъ открытъ извѣстный Комитетъ (1857 г.). Іоаннъ Смоленскій уже высказывается по вопросу объ освобожденіи крестьянъ (123 стр.). Церковь сказала „свое слово“—слово основательное, всестороннее, глубокое, смѣлое, рѣшительное—въ пользу русскаго народа и неотложной необходимости дать ему свободу, которой онъ съ великимъ терпѣніемъ ждалъ столько времени. Достаточно въ данномъ случаѣ вспомнить знаменитое слово того же Іоанна Смоленскаго объ освобожденіи крестьянъ (124—125 стр.), его замѣчательное обращеніе къ крѣпостникамъ (129 стр.), далѣе М. Филарета (134 стр.) и др. Наши проповѣдники освѣщаютъ всѣ сложныя стороны этого вопроса. Они говорятъ до и по реформѣ объ освобожденіи, вводя въ христіанское русло новое теченіе. Проповѣдуютъ объ освобожденіи

деніи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости не только наши выдающіеся архипастыри, но и простые сельскіе пастыри.

Судебная реформа, образованіе народа, свобода печати также живо, горячо, дѣятельно обсуждались тогда съ церковной каѳедры.

Новыя реформы въ 60-е годы внесли въ каждый почти уголокъ много новаго. Подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній измѣнился весь духовный обликъ передовыхъ мыслящихъ людей. Многіе стали на все смотрѣть съ новыхъ точекъ зрѣнія. Отсюда естественно возникаетъ проповѣдь апологетическаго характера, представляющая собою оцѣнку всего новаго. Съ церковной каѳедры проповѣдники говорятъ о наукѣ, морали, религіи, государствѣ, обществѣ, воспитаніи, общественной жизни и т. д. Словомъ, не было ни одного явленія, на которомъ бы не остановили проповѣдники того времени своего вниманія, не было явленія не только въ религіозно-практической области, не только въ широко-ученой, но и въ узко специальныхъ областяхъ. Современность такъ широко тогда понималась, какъ она болѣе уже потомъ до сихъ поръ не понимается (388, 391, 396, 402 и др.).

Исчерпать въ короткой замѣткѣ содержаніе сочиненія г. Кутузова нельзя. Скажу одно: оно такъ серьезно, вдумчиво, основательно написано, что я не много читалъ подобныхъ сочиненій. Авторъ проштудировалъ болѣе 50 серьезныхъ сочиненій. Представленіе исторической перспективы, идейныхъ движеній 60-хъ годовъ совершенно правильное. Языкъ литературный. Всюду авторъ сродняетъ историческія явленія не хронологически, а идейно, генетически. Настоятельно рекомендую автору напечатать свой трудъ, который на литературномъ рынкѣ встрѣтять съ благодарностью за правдивое, живое и поучительное освѣщеніе 60-хъ годовъ. Степени кандидата богословія за свой трудъ г. Кутузовъ заслуживаетъ вполне“.

25. Заслуженнаго ординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Лозинскаго Николая* на тему: „Оцѣнка трактата о таинствахъ Лямота сравнительно съ ученіемъ о таинствахъ православныхъ и ультрамонтанскихъ догматистовъ“:

„Трактатъ о таинствахъ занимаетъ весь четвертый и почти весь пятый томъ пятитомнаго богословія Лямота, которое

озаглавливается такъ: „Cours de théologie ou explication de la doctrine chrétienne en forme de catéchisme par l'abbé d'Arlande Lamothe, archiprêtre de Bouglon“. Это богословіе вышло въ свѣтъ въ годы съ 1866 по 1875 г. По характеру своему это богословіе популярно-практическое, не столько ученое, сколько церковное. Оно, по мысли составителя, предназначено быть настольной книгой для приходскихъ пастырей и отчасти для законоучителей. Догматика въ курсѣ Лямота занимаетъ главное, но не исключительное положеніе: раскрытіе догматовъ переплетается въ немъ съ свѣдѣніями изъ литургики, нравственнаго и пастырскаго богословія. Такая разносторонность курса Лямота, а равно и общедоступное изложеніе его опредѣляются задачей книги—дать отвѣты по возможности на всѣ чаще возникающіе вопросы при прохожденіи священникомъ его пастырскаго служенія. Такъ какъ въ догматикѣ отдѣлъ о таинствахъ есть наиболѣе практическій изъ всѣхъ отдѣловъ этой науки, то понятно, что въ курсѣ Лямота трактатъ о таинствахъ особенно обширенъ, обнимая третью часть всего курса, и особенно важенъ для характеристики цѣлаго курса. Поэтому онъ и предложенъ былъ для изслѣдованія г. Лозинскому вмѣсто цѣлаго богословія, изученіе и характеристика котораго были бы ему не по силамъ при ограниченности времени. Но такъ какъ, съ другой стороны, онъ писалъ сочиненіе не по пастырскому, не по литургическому и не по полемическому богословію, а по догматикѣ, то основную задачу его труда, состоящую въ изученіи и оцѣнкѣ трактата Лямота о таинствахъ, пришлось усложнить другой задачей, которая состояла въ сопоставленіи и, по мѣрѣ возможности, въ детальномъ сравненіи этого трактата съ соответствующими трактатами о таинствахъ, содержащимися въ чисто ученыхъ догматикахъ—католическихъ и православныхъ. Путемъ такого сравненія самую характеристику трактата Лямота о таинствахъ можно было написать глубже, основательнѣе и разностороннѣе.

Объ эти задачи г. Лозинскій выполнилъ хорошо. Владѣя французскимъ и латинскимъ языкомъ, онъ тщательно изучилъ трактатъ Лямота о таинствахъ, написанный, за исключеніемъ немногихъ латинскихъ страницъ, на языкѣ французскомъ. Не менѣе внимательно отнесся онъ къ обширнымъ

ученымъ трактатамъ о таинствахъ—догматико-полемическому въ богословіи Перроне *Praelectiones theologicae*, и догматическому въ богословіи Пеша *Praelectiones dogmaticae*. Трактаты о таинствахъ этихъ двухъ ультрамонтанскихъ догматистовъ, принадлежащихъ къ обществу іезуитовъ, онъ взялъ для сравненія съ соотвѣтствующимъ трактатомъ Лямота. Обращался онъ также за справками къ римскому Катехизису и къ Декретамъ и Канонамъ Тридентскаго собора. Для сравненія трактата о таинствахъ Лямота съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ въ православномъ богословіи онъ изучилъ трактаты о таинствахъ въ Догматическомъ богословіи Макарія, въ Полемическомъ богословіи Иннокентія и въ современныхъ учебникахъ по полемическому богословію. Бстати скажемъ, что въ примѣчаніяхъ онъ указываетъ нѣкоторыя ошибки, допущенныя въ этихъ учебникахъ при изложеніи римско-латинскаго ученія о таинствахъ.

Въ вопросѣ о галликанствѣ и объ отношеніи его къ ультрамонтанству, затронутомъ г. Лозинскимъ съ цѣлю опредѣлить степень близости Лямота къ ультрамонтанскому направленію въ богословіи, онъ пользовался сочиненіями Гетэ и нѣкоторыхъ русскихъ богослововъ. Г. Лозинскій хорошо ознакомился съ трактатомъ Лямота о таинствахъ въ цѣломъ видѣ; но, по недостатку времени, сдѣлалъ оцѣнку его ученія только о четырехъ таинствахъ: о причащеніи, о покаяніи, о священствѣ и о бракѣ, и, кромѣ того, охарактеризовалъ его ученіе о таинствахъ вообще. Зато ученіе объ этихъ таинствахъ какъ Лямота, такъ и Перроне и Пеша, а равно и православныхъ богослововъ, онъ изслѣдовалъ старательно, входя въ подробности, и изученный матеріалъ онъ тщательно обработалъ. Въ сочиненіи нѣтъ ничего лишняго. Мысли изложены обдуманно, ясно и просто. Видно, что авторъ хорошо зналъ то, о чемъ писалъ. За свое сочиненіе онъ достоинъ степени кандидата“.

26. Заслуженнаго ординарнаго профессора Василія Соколова о сочиненіи студента *Лукиина Александра* на тему: „Богословскія воззрѣнія Томаса Крамэра, архіепископа Кантерберійскаго, и отношеніе ихъ къ символическимъ книгамъ англиканскаго исповѣданія“:

„Въ настоящее время, когда вопросъ о сближеніи англиканской церкви съ православною возбуждаетъ большой инте-

ресь, вниманіе православныхъ богослововъ нерѣдко и усиленно привлекается къ изслѣдованію англиканскаго вѣроученія. При этомъ изслѣдованіи неизбѣжно приходится сталкиваться съ тѣмъ фактомъ, что нѣкоторые пункты вѣроученія англиканской церкви въ ея символическихъ книгахъ выражены настолько неопредѣленно, что допускають различныя толкованія и потому близость или отдаленность ихъ по отношенію къ православію требуетъ болѣе точнаго опредѣленія. Однимъ изъ наиболѣе вѣрныхъ путей къ установленію истиннаго смысла англиканскихъ символическихъ вѣроопредѣленій можетъ служить изслѣдованіе воззрѣній тѣхъ англиканскихъ богослововъ, которые были главными дѣятелями въ исторіи англійской реформаціи и оказывали преимущественное вліяніе на выработку англиканскихъ символическихъ книгъ; а самымъ выдающимся изъ такого рода дѣятелей, безъ сомнѣнія, долженъ быть признанъ Томасъ Крамѣръ, архіепископъ Кантерберійскій. Эти соображенія и были причиною постановки того вопроса, изслѣдованіе котораго составляетъ предметъ сочиненія г. Лукшина.

Довольно обширное по объему (577 страницъ), хотя и не вполне еще законченное, сочиненіе г. Лукшина состоитъ изъ трехъ, подраздѣленныхъ на главы, частей, предъ которыми поставлены еще отдѣльно „введеніе“ и „вступленіе“. Присутствіе этихъ двухъ парадныхъ крылецъ къ одному и тому же зданію производитъ на читателя нѣсколько странное впечатлѣніе и, безъ всякаго вреда для существа дѣла, автору лучше было бы соединить ихъ вмѣстѣ въ одно введеніе.

Во „введеніи“ авторъ, установивъ задачу своей работы, разъясняетъ нѣкоторые предварительные вопросы, которые имѣють существенное значеніе для надлежащаго пониманія его главнаго предмета, т.-е. историческаго развитія и сущности богословскихъ воззрѣній Т. Крамѣра. Онъ раскрываетъ читателю: а) что засталъ Крамѣръ въ англійской церкви при своемъ вступленіи на архіепископскій престолъ, т.-е. что было ранѣе этого сдѣлано въ Англій въ смыслъ церковной реформаціи; б) каковъ былъ самъ Крамѣръ и каковы были отличительныя черты его характера, какъ человѣка и общественнаго дѣятеля; в) каковы, наконецъ, были тѣ историческія условія, при которыхъ приходилось дѣйствовать Крамѣру, какъ архіепископу и реформатору, и каковы были тѣ

вліянія, котрымъ онъ подвергался.—Введеніе оканчивается краткими замѣчаніями о послѣдней судьбѣ архіепископа (стр. 1—41).

Во „вступленіи“ авторъ указываетъ и характеризуетъ тѣ источники, на основаніи которыхъ ведется его изслѣдованіе, и подробно выясняетъ планъ своей работы (42—54).

Предметомъ первой части сочиненія служатъ богословскія воззрѣнія Крамэра въ періодъ Генрихова царствованія, который, по изложенію автора, былъ періодомъ постепеннаго перехода Крамэра отъ его прежнихъ римско-католическихъ воззрѣній къ протестантскимъ. Здѣсь первая глава говоритъ объ официальныхъ вѣроисповѣдныхъ памятникахъ Генрихова времени, какъ главныхъ источниковъ для ознакомленія съ воззрѣніями Крамэра за данный періодъ, при чемъ авторъ обстоятельно изслѣдуетъ вопросъ о степени участія Крамэра въ составленіи этихъ вѣроопредѣленій (стр. 55—94). Дальнѣйшія главы этой части (2, 3, 4, 5 и 6) представляютъ собою систематическое изложеніе и критическое разъясненіе воззрѣній Крамэра по вопросамъ объ источникахъ вѣроученія, объ оправданіи, о церкви, о таинствахъ и объ евхаристіи въ особенности, о церковныхъ обрядахъ, о призваніи и почитаніи святыхъ, о почитаніи иконъ, о молитвѣ за умершихъ и о чистилищѣ (стр. 95—272).

Предметомъ второй части сочиненія служатъ богословскія воззрѣнія Крамэра въ періодъ Эдуардова царствованія, т. е. тогда, когда, по изложенію автора, Крамэръ безпрепятственно проявлялъ свою реформаторскую дѣятельность и свободно развивалъ свои воззрѣнія, которыя теперь и достигли у него своего полнаго и окончательнаго завершенія. — Въ первой главѣ этой части авторъ опять даетъ критическій обзоръ тѣхъ источниковъ, которые служатъ для ознакомленія съ воззрѣніями Крамэра за этотъ періодъ времени, а именно его собственныхъ сочиненій, или же его мнѣній, записанныхъ и изложенныхъ другими лицами (стр. 273—292). Послѣдующія главы этой части (2, 3, 4, 5 и 6), въ соотвѣтствіе съ главами части первой, представляютъ такое же систематическое изложеніе и критическое разъясненіе воззрѣній Крамэра за этотъ періодъ времени, какое далъ авторъ въ первой части своей работы, при чемъ матеріаль располагается по такимъ же точно рубрикамъ (стр. 293—496).

Третья часть сочиненія имѣетъ своимъ предметомъ „отношеніе богословскихъ воззрѣній Крамэра къ символическимъ книгамъ англиканскаго исповѣданія“, т.-е. ея задача состоитъ въ томъ, чтобы разъяснить, насколько воззрѣнія Крамэра могутъ и должны служить къ опредѣленію истиннаго смысла вѣроученія современныхъ символическихъ книгъ англиканскаго исповѣданія. Здѣсь первая глава опредѣляетъ степень участія Крамэра въ составленіи символическихъ книгъ Эдуардова времени (стр. 497—556), а дальнѣйшія главы должны были провести параллель между воззрѣніями Крамэра и современнымъ англиканскимъ церковнымъ ученіемъ по установленнымъ авторомъ рубрикамъ; но параллель эта проведена лишь въ ученіи объ источникахъ вѣроученія и начата въ ученіи объ оправданіи. Остальныя рубрики остались невыполненными, такъ какъ сочиненіе не окончено (стр. 557—577).

Произведеніе г. Лукшина несомнѣнно имѣетъ характеръ серьезной научной работы. Оно основано на тщательномъ изученіи довольно обширнаго матеріала, а именно четырехтомнаго изданія Крамэровыхъ сочиненій, официальныхъ вѣроисповѣдныхъ документовъ англиканской церкви и затѣмъ цѣлаго рода изслѣдованій, которыя или служили для автора руководителями въ его критическихъ изслѣдованіяхъ научнаго матеріала, или дополняли и разъясняли различныя стороны вопроса. Этотъ обширный матеріалъ обслѣдованъ авторомъ съ большимъ усердіемъ и вниманіемъ, при чемъ имъ извлечено и использовано по возможности все, что могло болѣе или менѣе существеннымъ образомъ служить къ освѣщенію главнаго вопроса.

Постановка дѣла въ сочиненіи г. Лукшина вполне научная. Авторъ критически обозрѣлъ свои источники, подготовилъ почву для изслѣдованія разъясненіемъ нѣкоторыхъ предварительныхъ вопросовъ, съ возможною полнотою и въ историческомъ развитіи обслѣдовалъ свой главный предметъ и, наконецъ, далъ ему надлежащее приложеніе къ той задачѣ, которая была имъ поставлена. Въ результатѣ, трудъ г. Лукшина представляетъ собою не только весьма хорошее кандидатское сочиненіе, но и можетъ, по напечатаніи, оказать услугу нашей богословской наукѣ, столь интересующейся сравнительнымъ изученіемъ англиканства

и столь нуждающейся въ хорошихъ работахъ по этой области.

Съ полнымъ одобреніемъ отнѣсясь ко всему существенному въ сочиненіи г. Лукшина, нахожу нужнымъ указать въ немъ лишь нѣкоторыя мелкіе, весьма немногіе, недочеты, а именно:

а) Нѣкоторыя частныя мысли автора представляются слишкомъ слабо обоснованными, какъ напр.: о вліяніи Меланхтона на Крамэра (стр. 147—148); объ отрицательномъ отношеніи Крамэра къ пяти таинствамъ въ первый періодъ его богословскаго развитія (стр. 234 и выше), или объ отрицаніи имъ молитвъ за умершихъ во второмъ періодѣ (стр. 488—489).

б) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ допущены мелкія фактическія ошибки, какъ напр. на стр. 27, 69.

в) или неправильности въ переводѣ, какъ напр. на стр. 55, 105, 210, 254, 276, 435, 507.

г) Въ изложеніи сочиненія, вообще легкомъ и литературномъ, авторъ напрасно злоупотребляетъ выраженіями: „мы отмѣтили“, „мы намѣтили“, „мы выяснили“, „мы высказали“ и т. д. „теперь остановимся“, „выяснимъ“, „скажемъ“, „установимъ“, „начнемъ“, „укажемъ“, „перейдемъ“, „изложимъ“, „посмотримъ“, „коснемся“ и т. д. и т. д. Обиліе этихъ выраженій, употребляемыхъ авторомъ при каждомъ переходѣ отъ одного пункта къ другому, придаетъ сочиненію нѣсколько сухой и схоластической характеръ.

Само собою разумѣется, что все это мелочи, которыя не могутъ умалить высокаго достоинства разсматриваемаго сочиненія, а потому я признаю весьма хорошей трудъ г. Лукшина не только вполне удовлетворительнымъ для присужденія автору кандидатской степени, но и заслуживающимъ особеннаго поощренія“.

27. Экстраординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго о сочиненіи студента *Максимовича Владана* на тему: „Религіозно-философскія воззрѣнія Спинозы и ихъ вліяніе на позднѣйшую раціоналистическую мысль Европы“:

„Авторъ написалъ обстоятельное сочиненіе (*первую часть*), основанное на широкомъ и точномъ изученіи сочиненій Спинозы, входящихъ въ область его темы. Въ двухъ большихъ отдѣлахъ,—второмъ и третьемъ,—онъ даетъ, въ ясномъ

параллельномъ изложеніи, аналитику философскихъ и собственно богословскихъ взглядовъ Спинозы, а въ первомъ отдѣлѣ, имѣющемъ вводный характеръ, даетъ историко-литературныя указанія, въ связи съ вопросомъ объ отношеніи Спинозы съ другимъ философамъ и, прежде всего, къ Декарту, причемъ пытается освѣтить историко-философскую эволюцію, отмѣченную этими двумя именами, съ точки зрѣнія расовыхъ особенностей Спинозы.—Какъ видимъ, вопросъ поставленъ на широкомъ и прочномъ базисѣ. Къ сожалѣнію, выполнение не всегда отвѣчаетъ замыслу. Такъ, что касается, прежде всего, центрального въ сочиненіи пункта, вопроса объ отношеніи Спинозы къ Декарту, перехода деистической философіи въ пантеистическую, то, на нашъ взглядъ, разъясненіе его не вполне удалось автору и ссылка на расовыя особенности, хотя и вносить въ изложеніе нѣсколько интересныхъ подробностей, но, въ концѣ концовъ, оставляетъ читателя съ недоумѣніемъ относительно ихъ подлинной роли въ историко-философскомъ процессѣ. Далѣе; аналитика воззрѣній Спинозы, вслѣдствіе своего, уже слишкомъ мозаичнаго характера, требуетъ отъ читателя очень большаго напряженія, за которое часто не вознаграждаетъ въ достаточной мѣрѣ. Конечно, тутъ автору приходилось считаться съ очень большою трудностію: мы этого не забываемъ. Но если бы онъ поступился иными подробностями, ради ясности основныхъ идей, было бы гораздо лучше. Изложеніе вдумчивое и выдержанное, но иностранецъ, время отъ времени, все же напоминаетъ о себѣ въ авторѣ, иными стилистическими особенностями и даже иногда неправильностями, отмѣченными нами въ сочиненіи. Третій отдѣлъ сочиненія обработанъ гораздо меньше, а по изложенію иногда и совсѣмъ неудовлетворителенъ: на немъ видна печать спѣшности.—Для присужденія автору степени кандидата богословія сочиненіе достаточно“.

28. Заслуженнаго ординарнаго профессора Василя Ключевского о сочиненіи студента *Моисеева Александра* на тему: „Преобразовательныя и просвѣтительныя стремленія въ Русской Церкви XVII в.“:

„Авторъ воспользовался значительной литературой, относящейся къ вопросамъ, какіе вошли въ программу его сочиненія, и собралъ довольно обильный фактическіи мате-

ріалъ для разносторонняго развитія своей темы: въ шести главахъ сочиненія онъ пишетъ объ епархіальномъ дѣленіи русской Церкви въ XVII в., объ отношеніи церковнаго управленія къ государственному, о внутреннемъ устройствѣ церковнаго управленія и суда, о богослужебной практикѣ и наконецъ о заботахъ по части духовнаго просвѣщенія. Твердо держась во всемъ трудѣ фактическаго изложенія, авторъ воздерживается отъ обстоятельнаго обсужденія излагаемыхъ фактовъ, отъ оцѣнки ихъ значенія, не выясняетъ достаточно ихъ связи съ общимъ положеніемъ дѣлъ въ Церкви и государствѣ, съ тогдашними условіями русской жизни. Особенно замѣтнымъ пробѣломъ представляется отсутствіе въ концѣ сочиненія заключительнаго очерка, въ которомъ были бы сведены результаты разсмотрѣнныхъ преобразовательныхъ и просвѣтительныхъ стремленій, что придало бы сочиненію надлежащую цѣльность и законченность. Впрочемъ внимательное изученіе литературы предмета, всюду точное указаніе источниковъ и пособій, обдуманннй сводъ данныхъ, простое и ясное изложеніе—все это даетъ основаніе признать трудъ А. Моисеева очень хорошимъ“.

29. Экстраординарнаго профессора Василія Мышцына о сочиненіи студента *Недригайлова Ивана* на тему: „Вторая Маккавейская книга (историко-критическій очеркъ)“:

„Во введеніи къ своему сочиненію авторъ пытается выяснить характерныя особенности второй Маккавейской книги и на основаніи ихъ опредѣлить главную ея идею и цѣль написанія. Онъ находитъ, что эта книга представляетъ собою мало надежный источникъ для исторіи собственно маккавейскаго движенія, въ своихъ отступленіяхъ отъ первой Маккавейской книги давая не мало невѣрныхъ свѣдѣній, но имѣетъ нѣкоторую историческую цѣнность для предшествующей Маккавейскому возстанію эпохи, раскрывая передъ нами причины этого возстанія. Такой характеръ книги соответствуетъ цѣли ея написанія. Авторъ книги имѣлъ цѣль не историческую, а религіозно-дидактическую,—„представить всю дѣйственность теократической идеи“. Эта цѣль выражается между прочимъ въ любви автора къ рассказамъ о чудесныхъ событіяхъ. Вмѣстѣ съ Гриммомъ нашъ авторъ думаетъ, что составитель Маккавейской книги, пользуясь своимъ источникомъ—трудомъ Іасона Киренскаго, сохранилъ

въ своемъ сокращеніи характеръ и цѣль сочиненія Іасона, ограничившись лишь опущеніемъ менѣе интересныхъ его частей. Анализируя письма палестинскихъ іудеевъ (въ началѣ 2 Макк. кн.), авторъ приходитъ къ предположенію, что первое письмо подлинное или сколокъ съ подлиннаго письма, второе неподлинное, вызванное поддѣлкою подъ первое. Въ „изложеніи“ авторъ даетъ частный историческій анализъ всей второй Маккавейской книги, посредствомъ сравненія съ библейскими и вѣвѣблѣйскими параллелями отмѣчая всякій разъ историческую цѣнность повѣствованія.

Въ своемъ изслѣдованіи авторъ умѣло воспользовался бывшею у него подъ руками литературою, особенно трудами Гримма, Кейля и Цокклера, и обнаружилъ способность къ исторической критикѣ въ оцѣнкѣ исторической достовѣрности изучаемыхъ фактовъ. Жаль, что авторъ не успѣлъ написать анализа 15 главы и недостаточно литературно обработать введение. Но и въ этомъ видѣ сочиненіе г. Недригайлова даетъ ему право на получение кандидатской степени“.

30. Экстраординарнаго профессора Александра Шостынина о сочиненіи студента *Немѣшаева Дмитрія* на тему: „Христіанское воспитаніе по воззрѣніямъ святыхъ отцовъ и учителей Церкви III-го и IV-го вв.“:

„*Первая часть* изслѣдованія г. Немѣшаева посвящена изложенію воззрѣній на воспитаніе отцовъ и учителей Церкви *третьяго вѣка* (стр. 20—200), при чемъ въ первой главѣ излагаются воззрѣнія Климента Александрійскаго и Оригена, а во второй—Тертуллиана и Кипріана Карфагенскаго. *Часть вторая* (стр. 201—522) представляетъ изложеніе педагогическихъ воззрѣній отцовъ и учителей Церкви *четвертаго вѣка*—восточныхъ и западныхъ совмѣстно, при чемъ въ первой главѣ говорится о религіозно-нравственномъ воспитаніи, во второй—объ умственномъ образованіи, въ третьей—о физическомъ воспитаніи.

Авторъ довольно полно изучилъ отеческія творенія и извлекъ на нихъ относящійся къ его вопросу матеріалъ. При этомъ не всегда онъ пользовался существующими русскими переводами, но обращался по временамъ и къ патрологич. Миня. Обработать же этотъ матеріалъ и привести въ безупречную систему ему не вполне удалось: повторенія (со-

всѣмъ ненужныя) встрѣчаются въ его трудѣ нерѣдко. Нельзя не поставить въ упрекъ автору и то, что онъ позволялъ себѣ дѣлать буквальные заимствованія изъ другихъ авторовъ, не выставляя точныхъ цитатъ. Но это встрѣчается у него не часто и потому для степени кандидата богословія трудъ его должно признать совершенно достаточнымъ“.

31. Экстраординарнаго профессора Павла Тихомирова о сочиненіи студента *Одинцова Михаила* на тему: „Сѣренъ Керкегоръ, какъ философъ и религіозный мыслитель“:

„Сѣренъ Керкегоръ, замѣчательнѣйшій датскій философъ, не только принадлежитъ къ числу самыхъ выдающихся мыслителей въ своемъ отечествѣ (въ Даніи), но съ полнымъ правомъ можетъ занять весьма видное мѣсто и вообще среди крупнѣйшихъ мыслителей Европы 19 вѣка. Если такого мѣста ему пока еще не отводятъ, если его вліяніе и самая извѣстность въ Европѣ пока еще не велики ¹⁾ (у насъ въ Россіи самое имя его почти неизвѣстно), то причина этого не въ немъ и не въ его философіи, а въ разныхъ случайныхъ обстоятельствахъ и историческихъ условіяхъ. Я лично склоненъ думать, что время широкой славы и извѣстности для Керкегора еще придетъ. Его, безъ преувеличенія, можно назвать антиподомъ Ницше. Подобно послѣднему, онъ—рѣшительный индивидуалистъ, обоимъ роднитъ вражда къ системѣ и научному оправданію міровоззрѣнія, не мало есть и другихъ чертъ сходства между ними. Но въ то время, какъ Ницше является непримиримымъ врагомъ религіи и христіанства, Керкегоръ, напротивъ, есть по преимуществу, если не исключительно, религіозный и именно христіанскій мыслитель. Изслѣдованіе его міровоззрѣнія представляетъ одинаково высокій философскій и богословскій интересъ. Отъ автора же, взявшагося за подобное изслѣдованіе, требовались не только солидныя познанія по исторіи новѣйшей философіи,—чтобы правильно опредѣлить историческое

---

¹⁾ Говоря это, я имѣю въ виду собственно философскіе круги въ Германіи, Франціи и Англии. У себя-же въ Даніи, а также и въ Норвегіи онъ имѣлъ и имѣетъ большое вліяніе не только на богослововъ и философовъ, а даже и на такихъ писателей, какъ, напр., европейски извѣстный Ибсенъ.

положеніе и генезисъ Керкегоровой философіи,—но и не малый аналитическій и систематизаторскій талантъ,—чтобы разобраться во всѣхъ тонкостяхъ глубокаго, оригинальнаго и нерѣдко капризнаго мышленія датскаго мудреца,—а вмѣстѣ съ тѣмъ также онъ долженъ обладать и твердо выработаннымъ самостоятельнымъ взглядомъ на задачи философіи вообще и въ частности на спеціальныя задачи метафизики, этики и философіи религіи. Лишь при этихъ условіяхъ работа могла бы соответствовать по своимъ достоинствамъ важности и интересу предмета. Г. Одинцовъ оказался вполне на высотѣ этихъ требованій и представилъ работу, которая не только даетъ ему полное и безспорное право на полученіе степени кандидата богословія,—таково ближайшее назначеніе его сочиненія,—но можетъ быть безъ малѣйшаго колебанія рекомендована для дальнѣйшей обработки въ магистерскую диссертацию, которая будетъ цѣннымъ вкладомъ какъ въ нашу философскую, такъ и въ богословскую литературу.

Планъ сочиненія г. Одинцова—очень простой и вполне естественный. Оно состоитъ изъ предисловія (стр. I—XVII) и трехъ главъ (стр. 1—398). Предисловіе содержитъ опредѣленіе задачъ и состава изслѣдованія, обзоръ сочиненій Керкегора и указаніе литературы о немъ. Три главы самаго изслѣдованія даютъ: изображеніе *генезиса* міровоззрѣнія Керкегора (гл. I, стр. 1—162), *систематизацію и анализъ* этого міровоззрѣнія (гл. II, стр. 163—350) и его *общую характеристику и оцѣнку* (гл. III, стр. 351—398). Детали каждой главы, по своему замыслу, вполне отвѣчаютъ тѣмъ требованіямъ, какія именно можно предъявлять къ монографіи о Керкегорѣ. Что же касается исполненія, то надо сказать, что не всѣ отдѣлы обработаны съ одинаковой тщательностью и обстоятельностью. Напр., во II главѣ обзоръ Керкегоровой философіи религіи (стр. 301—350), долженствовавшей (по предисловію, да и по существу дѣла) образовать цѣлую половину главы, превратился лишь въ одинъ изъ пяти ея отдѣловъ (наряду съ метафизикой, гносеологіей, психологіей и этикой), а вся III глава даетъ лишь сжатое, почти конспективное изложеніе своей темы, безъ историческихъ иллюстрацій и безъ аргументаціи дѣлаемыхъ приговоровъ и оцѣнокъ. Это, несомнѣнно, надо объяснить недостаткомъ быв-

шаго въ распоряженіи автора времени для письменнаго изложенія своихъ взглядовъ, а отнюдь не недостаткомъ изученія предмета. Въ послѣднемъ отношеніи, напротивъ, даже въ самыхъ конспективныхъ отдѣлахъ сочиненія безъ труда можно видѣть, что за каждымъ положеніемъ автора скрывается не малая эрудиція и серьезное и разностороннее философское размышленіе.

Что касается результатовъ изслѣдованія г. Одинцова, то онъ утверждаетъ тѣснѣйшую связь міровоззрѣнія Керкегора съ его личностью и жизненнымъ опытомъ. Основные принципы этого міровоззрѣнія могутъ быть сведены къ тремъ слѣдующимъ: „1) личное индивидуальное существованіе—единственный объектъ философскаго міровоззрѣнія, которое должно разрѣшить заключающуюся въ этомъ существованіи проблему (—абсолютной дисгармоніи); 2) полнымъ и единственнымъ разрѣшеніемъ этой проблемы является религія и въ частности христіанство, въ которомъ устанавливается безусловное подчиненіе (но не уничтоженіе и не органическое соединеніе) всѣхъ противоположныхъ элементовъ Высшему Началу (Богу) на основѣ его абсолютности, т.-е. устанавливается абсолютный формально-суммарный синтезъ всѣхъ противорѣчій жизни и личности; 3) синтезъ этотъ можетъ-быть установленъ только путемъ личнаго и самостоятельнаго внутренняго акта или рѣшенія, посредствомъ котораго индивидуумъ подчиняетъ себя абсолютному“ (стр. 51—52). Изъ философскихъ вліяній на Керкегора наибольшимъ (по преимуществу, впрочемъ, отрицательнымъ) авторъ признаетъ вліяніе Гегеля (стр. 62 и слѣд.). Кромѣ того, онъ отмѣчаетъ отношеніе Керкегора къ Сократу, Спинозѣ, Лессингу, Гаману, Якоби, Канту, Шеллингу, Тренделенбургу и Фейербаху (стр. 130 и слѣд.). Въ систематизаціи философскихъ взглядовъ Керкегора авторъ настаиваетъ на обусловленности его метафизикой всѣхъ остальныхъ частей его системы (250 и слѣд. 238 слѣд. и др.). Въ оцѣнкѣ изучаемаго философа г. Одинцовъ, самъ являющийся сторонникомъ теистическаго міровоззрѣнія, какъ одной изъ формъ философскаго синтеза (стр. 381—385), относится къ нему (К-ру) въ общемъ безпристрастно,—признавая цѣнность „реального базиса“ его философіи,—но, въ концѣ концовъ, все-таки отрицательно, какъ къ творцу неудовлетворительной